

Марина
СЕРОВА

ЧАСТНОГО СЫЩИКА
ЗАКАЗЫВАЛИ?

•

ПОСЛЕДНИЙ
ШАНС

Марина С. Серова
Частного сыщика заказывали?
Последний шанс (сборник)
Серия «Частный детектив Татьяна Иванова»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6621121

Серова М. С. Частного сыщика заказывали? : Последний шанс : повести : Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-69403-7

Аннотация

Частного сыщика заказывали?

Едва частный сыщик Татьяна Иванова и ее друг опер Володя Степанов расположились на диком пляже у реки, как вдруг из подлеска раздался выстрел. Вскоре они нашли и тело человека... Встретившись на следующий день со своей новой клиенткой Валентиной Курейкиной, Таня поняла, что ей придется заниматься расследованием убийства ее брата Олега, труп которого нашли в кустах на пляже...

Последний шанс

Жители города потрясены кончиной известного скульптора. Накануне открытия памятника знаменитому поэту он гибнет в автомобильной катастрофе. В тот же день преуспевающий владелец кафе заявляет о пропаже компьютера, содержащего ценнейшую информацию. Как оказалось, перечисленные события связаны между собой. Однако, прежде чем обнаружить эту связь, частному детективу Татьяне Ивановой пришлось рисковать жизнью. А также проявить весь свой недюжинный ум и смелость, чтобы вычислить и обезвредить коварных преступников...

Содержание

Частного сыщика заказывали?	4
Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Марина Серова

Частного сыщика заказывали? (сборник)

Частного сыщика заказывали?

Глава 1

Вот и лето закончилось в Тарасове и на календаре.

Легким ветерком унеслось оно в неведомые края, но в душе у меня что-то еще оставалось от моего чудесного отдыха, и я с непреходящим удовольствием перебирала в памяти это «что-то» до тех пор, пока утром следующего дня после моего возвращения домой не раздался телефонный звонок от клиента.

От этого звонка, как от первого петушиного крика, ушло прочь все сладкое марево, навеванное мне морским прибоем, и, тут же мобилизовавшись, я выбросила из головы все лирическое и романтическое и взяла телефонную трубку.

Пусть скептики говорят что хотят, пусть говорят, что все это чушь, бред и ахинея, но готова спорить, что телефонный звонок, предваряющий серьезный разговор, уже и звенит как-то напряженно и требовательно.

Совсем не так, как если бы мне звонил, например... ну в общем, не важно кто.

Итак, я взяла трубку и коротко по-деловому бросила в нее:

– Да!

Однако я ошибалась – это звонил не клиент, а мой старинный приятель, бывший однокурсник по юрфаку Володька Степанов, как и я, с трудом возвращающийся к своей работе.

Только в отличие от меня Володька трудился непосредственно в органах внутренних дел, но он тоже испытывал необходимость в каком-нибудь сильном раздражителе, чтобы наконец-то войти в норму.

Мы с ним, как два одиноких пенсионера, пожаловались друг другу на все что можно и решили съездить сегодня на дикий пляж за город и отдохнуть в последний раз по-человечески перед тем, как начать жить по-людски.

Скучно то есть, и в заботах.

Я окинула взглядом свою квартиру и договорилась с Володькой, что через полчаса выезжаю из дома и подхватываю его на перекрестье двух улиц в центре города, где он будет ждать с уже закупленными закусками и напитками.

Я быстро собралась – как будто для того, чтобы собраться на пляж, нужно много времени – и перед тем, как выскочить из квартиры, решила спросить у своих гадалых косточек, нормально ли пройдет время на пляже или стоит подготовиться к какой-нибудь милой жизненной подляночке – обычному, впрочем, явлению в нашем убогом мире.

Уже одно то, что мне захотелось проконсультироваться со своим оракулом, было зловещим признаком: это означало, что меня посетило некое нехорошее предчувствие, но смысл его я сама пока не улавливала. Для этого и нужно выяснить перспективы.

А может быть, все было гораздо проще: просто мне не очень-то и хотелось тащиться за тридевять земель, да Володьке Степанову отказывать показалось неудобным.

Короче, я присела на диван в комнате и, запустив ладонь в замшевый мешочек, выкатила перед собою три граненные кости.

14+12+27.

«В первую очередь успокойтесь! В наступающий период времени Вы вольны делать все, что Вам хочется, в пределах разумного».

Я задумчиво почесала кончик носа, мысленно махнула рукой на все свои неопределенные ощущения и почти вприпрыжку выскочила из квартиры.

И что я сомневаюсь?!

Жизнь продолжается, а наши пляжи вовсе не хуже французского Лазурного Берега, с поправками на климат, время, государство, культуру и прочие мелочи.

Да и мой – или почти мой, так точнее будет, – Володька не хуже Микки Рурка с поправками на... ну об этом лучше не будем.

Я доехала до места встречи, посадила в свою «девятку» Володьку и тронулась дальше.

Володька привычной скороговоркой поздоровался, более развернуто, но не менее привычно пожаловался на семейные неурядицы и ничего не понимающую жену, я привычно покивала, и совершенно без происшествий и приключений, что является несомненным благом при наших хлопотных профессиях, мы добрались до пляжа.

Последний уютный уголок прошедших времен, не раздражавший яркими этикетками и уродливыми ларьками, встретил нас замечательной погодой и немногочисленными отдыхающими.

Расположившись недалеко от реки на полотенце, я уже расслабилась, как вдруг в отдалении из негустого подлеска раздался сухой резкий щелчок, до оскомины напоминающий пистолетный выстрел.

Я подняла голову и посмотрела в том направлении.

Володька тоже напрягся. До этого он лежал на пузе, а теперь сел и нервно завертел головой.

Профессионализм тем и характеризуется, что никуда он не исчезает даже на отдыхе.

За все приходится платить, даже за умение отличить звук выстрела от автомобильного выхлопа.

– Ты тоже слышал, – спокойно произнесла я и осмотрелась.

Кроме нас двоих, похоже, никто и не обратил внимания на то, что нам с Володькой моментально испортило настроение.

– Да нет, не может быть, Тань, – неуверенно пробормотал Володька и встал со своего полотенца.

Володька, вытянув шею, внимательно осмотрел всю видимую часть зарослей и, хмыкнув, сунул ноги в ботинки.

Взяв под мышку органайзер с документами, он принял серьезный и сосредоточенный вид, но почему-то смотрелся забавно.

– Пойду прогуляюсь, – тихо произнес Володька в пространство, – ты поваляйся пока, Тань, – кинул он мне и не торопясь побрел в ту сторону, откуда предположительно раздался выстрел.

Посмотрев ему вслед, я вздохнула, тоже поднялась и, забрав сумку, в которой хоть и не было на этот раз пистолета, зато лежал сотовый телефон, последовала за Володькой.

В отличие от него, идя к тем кустам, я думала только о себе. Мне было гораздо комфортнее видеть Володьку рядом с собою, а не лежать в одиночестве, ждать его и представлять всякие неприятные вещи оттого, что он будет задерживаться неизвестно где.

Хоть и чужой муж, а как человек вовсе даже не чужой.

Володька, разумеется, добрался до зарослей первым, я, следуя за ним, успела услышать несколько веселых реплик в наш адрес.

Если бы на самом деле мы пошли за тем, о чем подумали резвящиеся щенки-остро-
словы, все было бы гораздо интереснее, а так, скорее всего, нас ожидало минут десять бес-
цельного блуждания, а потом возвращение чуть ли не под радостное улюлюканье.

Однако все произошло совсем не так.

Углубившись в кусты и приподнявшись немного на носочки, чтобы разглядеть куда-
то подевавшегося Володьку, я увидела его слева от себя, присевшего на корточки и что-то
внимательно рассматривающего.

– Кузнечика нашел, юный опер-натуралист? – обозлилась я, искренне возмущенная
бездарным времяпрепровождением. – Тебе подарить ко дню рождения сачок? Или бабочки
– это пока еще круто для тебя?

На мои слова Володька никак не отреагировал, только наклонился еще ниже.

Мне стало совсем уж интересно, и я двинулась напролом, сминая кустики, как танк
березки.

– Ну что здесь... – начала я, подходя ближе, и осеклась.

Володькино «чш-ш!» запоздало, потому что уже не имело смысла.

Я и сама все увидела.

На траве, раскинувшись, лежал молодой парень, одетый в белую футболку от «Хьюго
Босс» и в длинные джинсовые шорты такого же белого цвета.

На груди парня в области сердца расплылось красное пятно.

– Готов мальчишка, – произнес Володька, поднимая голову ко мне, – у тебя телефон
с собой?

– Уже все поняла, – ответила я, расстегивая сумку.

Володька вскочил на ноги и, не разбирая дороги, бросился напрямик сквозь кусты в
сторону, противоположную от пляжа.

Я развернула сотовый и набрала 02.

Быстро сообщив всю нужную информацию о происшествии и о себе, не забыв упомя-
нуть и майора Степанова, сейчас преследующего неизвестного убийцу, я отключила связь
и побежала следом за моим опером.

Если бы с ним что-нибудь случилось, я этого себе не простила бы никогда.

Побежав вокруг, вдоль и поперек посадок, мы ни с чем вернулись к месту трагической
находки, и я, оставив Володьку там, вернулась на пляж, быстро побултыхалась в Волге и,
одевшись, сменила его, чтобы он тоже встретил коллег не в трусах и с органайзером под
мышкой, а полностью одетым.

Пока я одевалась, записала номера всех машин, стоящих около пляжа, прекрасно пони-
мая, что толку от этой меры будет мало: преступник уже давно исчез, а если из отдыхающих
кто-то что-то и видел, то выдавливать из них крохи информации будет делом тягостным и
практически бесполезным.

Как это ни печально звучит, но в делах расследования подобных преступлений, к сожа-
лению, зачастую следует больше полагаться на удачу, чем на дедукцию, индукцию и прочие
отвлеченные философские категории.

Гадалые косточки, кстати, очень даже помогают не профукать эту удачу и вовремя
заметить ее хвост, чтобы ухватиться за него.

Володька подошел ко мне, размышляющей об этих вещах, уже не один, а с оперативной
группой, подъехавшей на удивление быстро и точно.

При убитом парне не оказалось никаких документов, а несколько мелочей из его кар-
манов пока не давали зацепок к установлению его личности.

Все это порождало некоторую нервозность оперативников, как и почти полное отсут-
ствие свидетелей.

Никто, кроме нас с Володькой, ничего не слышал, и никто ничего не видел, включая и нас с ним.

Честно говоря, я ребятам не позавидовала: они получили еще один практически безнадежный висяк, и сами это прекрасно понимали.

Мы с Володькой полностью освободились от этого дела только к трем часам дня и, совершенно замученные постоянным пересказом событий и своими оценками, сели в мою «девятку», закурили и переглянулись.

– Ну что, товарищ майор, – спросила я, – вас отвезти к вашему дому или уж сразу в РОВД? Район-то ваш, сможете продолжить эту бодягу на стационаре.

Володька жалобно посмотрел на меня, ожесточенно почесал затылок.

– Чаю хочется, Тань, – робким голосом возвестил он, и я, хмыкнув и не спрашивая больше ни о чем, завела мотор и поехала к себе домой.

Чаю так чаю, кто бы был против!

Мы приехали ко мне, и, пока я плескалась в ванне – надо же было с себя смыть не только плохое настроение, но и волжскую воду, – не знаю, чем занимался Володька, может быть, и чай пил, но когда я вышла, он уже лежал на диване и полистывал какой-то дамский журнальчик.

– Парень по картотеке не числится, – доложил он мне, хотя я его ни о чем и не спрашивала, – я уже позвонил.

– А что ты еще сделал? – поинтересовалась я, сталкивая его с дивана и прогоняя в ванную.

– Ничего больше, честное слово, – ответил Володька и побежал в ванную.

А я тем временем раскинула свои гадальные косточки. Теперь они мне должны были сказать что-то определенное: случились события, и неплохо было бы знать, как они отразятся на моем здоровье.

Косточки долго не думали, словно уже давно подготовили вариант:

23+25+4!

«Вы будете обескуражены и раздосадованы тем, что, в сущности, и не стоит Вашего внимания».

Володька вышел из ванной, благоухая моим дезодорантом, но я его уже встретила с подозрением.

– Опер! Ты хочешь огорчить меня? – спросила я.

– Побойся бога, Иванова! – Володька сложил ручки на груди, и полотенце, обертывающее его бедра, упало на пол.

«Хм, – подумала я, – похоже, что кости имели в виду нечто другое. Опять мы не поняли друг друга!»

Через час или чуть больше у нас Володькой начались первые конфликты.

Он успел уже до смерти утомить меня жалобами на свою тесную фуражку, на неудобное кресло в служебном кабинете и на своих дураков-начальников.

Я все это слышала от него не один раз за время нашего общения.

– А ты думаешь, твои подчиненные про свое начальство говорят по-другому? – не выдержав нудного нытья, задала я ему простецкий вопросик, чем вогнала Володьку в пессимистические размышления.

Володька моментально пришел в себя и вошел в... – как бы это сказать проще? – в нормальное мужское состояние, вот.

Через пятнадцать минут он, словно вспомнив о чем-то невероятно важном, вдруг театрально хлопнул себя ладонью по лбу.

– Попробуй еще разок и кулаком, пожалуйста, эффектнее будет, – вяло предложила я, потягиваясь и улыбаясь своим мыслям, – тогда я поверю, что ты внезапно вспомнил, что тебе нужно срочно бежать домой.

Но как ни странно это прозвучит, я ошиблась в своем предсказании. Это, кстати, лишнее подтверждение того, что даже очень хорошо знакомый нам человек еще может иногда нас удивить чем-то неожиданным.

Володька взглянул на меня с непонятной усмешкой и, снисходя, как до не понимающей обычных вещей дурочки, объяснил, что вспомнил он о другом.

– Вы хотите объясниться мне в любви? – наконец-то догадалась я. – Не нужно стараться, не поверю.

– И не собирался даже, с чего тебе это пришло в голову? – лихо парировал Володька, и я даже подпрыгнула на диване от его ответа.

– Что? Что ты сказал?! – переспросила я, шарахаясь на самый край дивана, рискуя при этом рухнуть на пол.

– Предлагаю культурную программу с музыкой и шведским столом, – скороговоркой выпалил Володька и на всякий случай отодвинулся подальше.

– Знаю я ваши программы, юноша, – поморщилась я и погрозила ему пальцем, – иди, что ли, бутерброды делать и по пути включить магнитофон? У нас самообслуживание. В смысле питания, я имею в виду.

– Ну это же неправда! – с глумливой улыбкой запротестовал Володька, протягивая ко мне свою руку, вероятно, с намерением подтолкнуть меня физически к воплощению его культурной программы.

Мне было лень шевелиться, но если бы я была кошкой, то наверняка бы его укусила за палец.

Будем считать, что ему повезло.

– Так что там о культуре? – напомнила я. – Телевизор хочешь посмотреть?

– Перестань, – Володька приобнял меня левой рукой, а правой принялся нашаривать пачку сигарет под подушкой, – я имею в виду нечто конкретное. Меня пригласили на презентацию по поводу открытия нового центра бытовой техники. Где-то в пиджаке лежит пригласительный билет.

– Не интересуюсь, пылесос у меня работает нормально, – ответила я, – телевизор тоже. Или это не бытовая техника? А может быть, там предлагают что-то новенькое вроде кофеварки, совмещенной с феном?

– Понятия не имею. Но точно знаю, что будет фуршет, какая-то рок-группа «Геншина драма» или «Мишкина каша», в общем, не важно. Да и много еще чего там напридумано. Есть желание прогуляться?

– «Геншина драма» или «Пилорама», – подхватила я, – короче, нормальный вечерок до утра? И когда начало?

Володька моргнул на меня задумчивыми глазками и стал искать свои часы.

Я похлопала его по лысеющему темени и предложила поднять глазки до моих часов, настенных.

– Ага, – ответил мой бодрый опер, – через час начало, но...

– Как через час?! – в глубочайшем оскорблении вскричала я. – Да я за эти секунды не успею даже умыться!

С этими словами я спрыгнула с дивана и умчалась в ванную.

Там первым делом я залезла под душ. Обычно с этой процедуры я начинаю ритуал наложения макияжа. Такая у меня привычка.

Когда я вернулась в комнату, свежая, красивая и, разумеется, в халате и с чалмой на голове, угадайте, чем там занимался Володька?

А ничем! Его там просто не было!

Он торчал в кухне и, фальшиво напевая, жарил себе яичницу.

Прожорливость мужского племени не имеет ни границ, ни пределов. Так я ему и заявила, потребовав себе половину того, что он приготовил.

Надо же совесть иметь и о компании помнить.

Я уже успела доесть свою долю, как зазвонил телефон.

Звонила незнакомая мне девушка или дама – по голосу и не поймешь, – имеющая ко мне очень-очень важный разговор и предлагающая встречу.

Я назначила ей встречу в летнем кафе «Бригантина», расположенном в двух кварталах от моего дома, на завтра и закончила разговор.

Летнее кафе я выбрала исключительно по причине продолжающихся теплых дней.

Осень еще не разгулялась, поэтому я предпочла использовать последние возможности провести переговоры на свежем воздухе. Скоро это уже будет проблематично.

А сегодня, как было мне обещано, у меня предстоял выход в люди.

После летне-отпускной расслабухи, когда самой шикарной обувью на протяжении недель были сланцы, а вместо фирменных тряпок – футболки с рынка, требовалось нечто особенное, чтобы войти в норму обычной жизни.

Вот как раз сегодня такая возможность мне и представилась.

Через полтора часа мы с Володькой выходили из моей квартиры, и тут только я его спросила, почему же он, презренный женатик, не торопится домой.

Володькин ответ оказался свинским и циничным.

Я вовсе не стала ему внезапно дорога и необходима, как можно было бы глупо помечтать, просто он наврал своей жене, что сегодня уже уезжает в завтрашнюю командировку, и решил провести сэкономленный день в моей доброй компании.

Я промолчала.

Настроение, поднявшееся было от перспектив не только провести интересно время, но и интересно провести время с мужчиной – это две большие разницы, но сейчас они объединились, – стало портиться, что было, в общем-то, логично.

Всегда неприятно быть десертным дополнением к чьей-то размеренной жизни.

Мне хотелось мести.

Мы выехали в клуб «Рондо», где должна была проходить презентация, на моей верной «девятке».

Все из той же мести, да и из удобства, конечно же, я посадила за руль Володьку, намекая этим, что сама собираюсь расслабляться, чего ему не желаю.

Моя замечательная машинка, чувствуя всеми своими свечечками и релюшками хреноватое настроение своей хозяйки, попав в продажные Володькины руки, тут же начала чихать, вздрагивать и подпрыгивать.

– В каком состоянии у тебя тачка, боже мой! – попробовал было возмутиться мой недостойный опер, но я скучно предположила, что, возможно, всего лишь у моей машинки на него аллергия, и он, засопев, заткнулся на целых восемь минут.

Потом Володька снова попытался заговорить, даже пошутить, а затем вдруг решился на нечто оригинальное.

Володька, резко затормозив, выскочил из машины и умчался за угол, мимо которого мы только что проехали.

Появился Володька, сияя, как медный таз, держа в руках букетик цветочков. Наборчик так себе: астры пополам с гвоздиками, но для подлого женатика, не растерявшего пока остатки совести, и это было неплохо. Однако моя непреклонность только возросла при виде разрушающихся укреплений противника.

Поблагодарив Володьку, снова усевшегося за руль с весьма довольной физиономией, я понюхала цветочки и спросила, где же он их умудрился достать.

– А там за углом бомж какой-то торговал, – гордо ответил Володька, словно он за этими цветами успел сбегать в городскую оранжерею.

Услышав его слова, я еще раз понюхала букетик.

– Совсем не пахнут, – разочарованно протянула я и тут же по-доброму добавила: – Но все равно спасибо тебе, Володенька.

Он удовлетворенно хмыкнул:

– Не пахнут! Очень даже сильно пахнут. Благоухают, можно сказать! У тебя насморк, что ли, Татьяна?

Меня передернуло от этой реплики.

– Если цветы не пахнут, то, возможно, твой бомж нарвал их на городской клумбе, – блеснула я дедуктивным методом, – выхлопные газы от проезжающих автомобилей съедают весь аромат, но все равно спасибо тебе, Володенька.

Володька надулся и, резко наклонившись ко мне, сунул свой нос в букет.

– Ты меня, конечно, извини, Татьяна Александровна, – проворчал он, – пахнут цветочки-то, и еще как! У тебя явные нарушения нюхательных функций. К тому же гвоздик на клумбах я что-то не припомню.

Я пожала плечами.

– У бомжей есть еще один источник добывания цветочков, – продолжила я задумчиво.

– Ну и?.. – словно подозревая какую-то гадость от меня, насторожился Володька. – Хочешь сказать, что они их воруют откуда-то?

– Зачем же воровать? – удивилась я, закуривая сигарету и откидываясь на спинку сиденья. – Они их просто берут с могилок, например.

Машина дернулась влево, потом вправо, Володька быстро-быстро забормотал некие слова, я же, словно ничего этого не замечая, произнесла предельно нежно и ласково:

– Но все равно спасибо тебе, Володенька.

Вот так мило беседуя, почти что с прибаутками, мы и подъехали к клубу «Рондо».

Стоянка перед клубом уже была плотными рядами заставлена самым разнообразным автотранспортом, в основном не нашего производства, что говорит то ли об отсутствии патриотизма у населения, то ли о низком качестве нашей отечественной продукции.

А меня моя машинка устраивает.

Покрутившись вокруг стоянки и проехав ее сначала в одном направлении, потом в обратном, Володька махнул рукой и подкатил к дежурной милицейской машине, торчащей напротив клуба, и, выскочив наружу, вмиг договорился с двумя зевающими сержантами о персональной стоянке для нас рядом с их «уазиком».

Вернувшись, довольный собой Володька распахнул мою дверку и, подав мне руку, вывел меня на свежий воздух.

Теперь, обжегшись на репликах, он решил играть в немногословного джентльмена. Но я уже завелась.

– А твоя супруга по таким местам не ходит? – рассеянно спросила я. – А то ведь у нее муж в командировке... ну в общем, как в анекдоте, сам понимаешь.

Володька тут не выдержал. Засопев, как трактор «Беларусь» над силосной ямой, он, сверкнув очами, выпалил:

– Ты кончишь наконец издеваться надо мной, Иванова? Или радуемся жизни, или возвращаемся!

– Что с тобою?! – удивилась я, нежно дотрагиваясь до его руки. – Ты же пригласил меня хорошо провести время, а сейчас ведешь себя как пошлый собственник!

Не знаю, чем бы все это закончилось, если бы Володьку не окликнули две дамы.

Володька вздрогнул и оглянулся.

Глава 2

Две брюнетки среднего роста – одной, наверное, было лет под тридцать, другая моложе, – обе разодетые, как для раута нефтяных нуворишей, то есть чересчур и с перебором, синхронно замахали руками, привлекая Володькино внимание.

– Привет! – радостно ответил он им и, повернувшись ко мне, откровенно скривился и пробормотал: – Это мои знакомые. Одна из них жена Рафаэля Азбашева, другая – его сестренка, она инвалид. Не хотелось мне сюда ехать, левой ногой чувствовал неприятности.

– Азбашев – это «Дом корейской электроники»? – спросила я, пока еще не понимая, из-за чего мне-то нужно нервничать.

– Ну да, он, только у него есть еще компаньон – некто Гуселкин, – автоматически дал справку Володька и сделал мне жест рукой, предлагая пройти первой, а сам поплелся на полшага сзади, – жена Азбашева – Анжелика, – продолжал бормотать он, – которая постарше то есть, она сестра Гуселкина, а Салама, та, что без руки, – сестра Азбашева. Анжелика росла в одном дворе с моей женой, и они до сих пор еще... дружат. Ну то есть встречаются иногда.

– Постукивают и закладывают, – догадалась я и внимательно посмотрела на Володькину мордашку, потерявшую всю живость.

Сейчас Володька смотрелся очень растерянным и заметно чувствовал себя не в своей тарелке.

Володька, поморщившись, влачился за мной следом, ну а я направилась прямо к этим двум брюнеткам, которые, возможно, прямо сегодня позвонят Володькиной жене и обрадуют ее новостью, что муженек-то и не уехал.

На физический недостаток Саламы я обратила внимание только после слов Володьки. Ее замечательное вечернее платье, прикрытое сверху пелериной, теперь уже показавшейся мне чересчур плотной, максимально скрывало ее увечье. Я изо всех сил старалась не смотреть на Саламу. Но признаюсь: получалось это у меня плохо.

Я мысленно посочувствовала Володьке, но деваться было некуда, приходилось делать хорошую мину при плохой игре.

– Тебя сюда каким ветром занесло? – обратилась к Володьке Анжелика, мгновенно оценив одним взглядом мою никчемную социальную значимость для себя и небрежно мне кинув при этом: – Здравствуйте.

Я кивнула ей в ответ и равнодушно посмотрела в сторону.

Мне стало интересно, как выкрутится Володька из неудобной ситуации.

Выкрутился он неплохо, надо признать.

– Да ну! – Володька досадливо махнул рукой. – Я должен был сегодня уехать в командировку, так сорвали буквально с поезда: отчеты надо составить для главка, как будто больше некому. А на сладкое вот поручили мне молодую сотрудницу, приехавшую из района. Сейчас я ее познакомлю с нашими оперативниками, дежурящими здесь, и наконец-то освобожусь. Вот жена-то удивится, когда я сегодня заявлюсь!

Услышав такие радостные новости, я, мило улыбнувшись, обратилась к Володьке:

– Товарищ майор, я думаю, что сама найду наших коллег, спасибо вам за то, что проводили.

Володька покраснел и задержался.

Тут Анжелика предприняла неожиданный ход.

– Я, кстати, звонила сегодня твоей половине, – сказала она Володьке, – она тебя точно не ждет сегодня. Так что езжай прямо сейчас, может, и привезешь ее сюда, а мы с Саламой сами покажем все твоей девушке, что тут есть интересного.

Анжелика так произнесла фразу «твоей девушке», что Салама весело рассмеялась и подмигнула мне, подойдя ближе.

Я же, сохраняя похвальную скованность в присутствии старшего начальника, на подмигивание отвечать не стала. Я же из района, мы этого не умеем.

Володька попался, и мы с ним оба это окончательно поняли.

Я решила не усугублять его положение и, еще раз поблагодарив, развернулась и ушла в танцзал клуба.

Если рухнули надежды на одно удовольствие, то пусть им на смену придут другие!

Через полчаса, когда я стояла в сторонке с бутылкой «Фанты» в руках, из полумрака клуба на меня неожиданно вышли обе Володькины знакомые.

– Вот вы где! – воскликнула Салама, снова вставая рядом. – А Степанов-то уехал домой, вы в курсе?

Я пожала плечами, показывая, что мне это все равно.

Салама внимательно взглянула на меня и улыбнулась:

– А вы давно в органах?

– Да, – нехотя ответила я и подняла свою бутылку.

– А вот вы мне скажите как профессионал, – вдруг обратилась ко мне Анжелика, – существует какой-нибудь стопроцентно надежный способ избавления от шантажиста?

Я едва не поперхнулась «Фантой» и, опустив бутылку, любезно ответила:

– Самый надежный способ – это изъять компромат, а шантажиста убить. Надежнее не бывает.

Анжелика вздрогнула и нервно засмеялась:

– Это слишком круто. А проще можно?

– Конечно, можно. – Мы обе говорили как бы шутя, но мне показалось, что Анжелику этот вопрос волнует на самом серьезе.

Салама в разговор не вступала и весело подергивалась в ритм грохочущей музыки.

– Второй по надежности способ, – продолжила я, – это обратиться в местный РУБОП. Там работают опытные ребята, и они примут надлежащие меры. То есть изымут и не убьют, но побьют, а потом будет проведено следствие и зло накажется.

Анжелика промолчала, но отрицательно покачала головой, демонстрируя несогласие с моими словами.

– Есть еще третий способ, – неожиданно вмешалась в разговор Салама, – нужно знать, кто тебя шантажирует, и сделать расчет на его половую принадлежность.

– Это как же? – удивленно спросила я, никак не ожидавшая от молчаливой, как мне показалось, Саламы такого оригинального захода.

– Говоря про нас, женщин, – пояснила Салама, – если шантажист мужчина, его нужно очаровать, а если женщина, то можно запугать. А потом разоружить. Все просто, как эта бутылка, – сказала Салама, указывая на мою «Фанту». – Расчет на сексуальную принадлежность – это расчет на слабые стороны, присущие данному полу, – выдала она под конец речи определение и снова рассмеялась.

– Да, получается у тебя, Саламка, – со вздохом произнесла Анжелика, – все как в кино.

Мы еще немного поболтали, а потом направились к фуршетному столу. Почувствовав некую зарождающуюся симпатию друг к другу, мы решили сообразить на троих.

Но мое настроение после приема алкоголя ухудшилось: шляюсь по клубу в женской компании, словно я ни к чему не пригодная старая дева, а арендованный мужчина удрал к жене, на которую он так любит жаловаться.

Приклеившаяся к нам группка молоденьких мальчиков настроения мне не улучшила, даже наоборот, на меня навалился приступ грусти и тоски: я же пришла сюда не для знакомства, а получается именно так.

В совершенно растрепанных чувствах примерно через час я выходила из клуба «Рондо».

Треп с претенциозными миллионершами, танцы под грохот музыки и фуршет с пьяненькими сопляками не исправили моего испоганенного впечатления от этого вечера.

Ключи от моей машины остались у исчезнувшего Володьки, поэтому я, гордо задрав голову, прошла мимо своей «девятки», сделав вид, что я ее не узнаю, и углубилась в темные узкие улицы старого города, где располагался клуб.

Я шла, молча ругала Володьку-мерзавца и себя, дуру.

Как и обычно, здесь в кривоватых и грязных переулках, застроенных двух– и трехэтажными домами, шатались средней паршивости молодые люди, напившиеся дешевого портвейна, и пользовались услугами девушек, тоже по цене портвейна.

Я обошла несколько замерших у стен парочек и начала спускаться к самой длинной в Тарасове старинной улице Сергиевской, и тут со мной случился досадный казус: мне попал в босоножку камешек.

Решив, что лучше всего будет отойти в сторону и снять босоножку, чтобы вытрясти его, я свернула в первую же полутемную подворотню, которые здесь встречаются через каждые десять шагов.

Но, как оказалось, выбор мой был не самым удачным.

Три парня самой гадкой наружности, очевидно, полупьяные или накуренные, суетились вокруг какой-то женщины, прижатой к стене.

Она пыталась вырваться или закричать, но силы были слишком уж неравны. Издав сдавленный крик, мгновенно перешедший в заглушенный всхлип, женщина рванулась в сторону, а один из парней, потрясая ладонью, взвыл.

– Укусила, сука?! – вскричал один из его товарищей и опустил кулак женщине на голову.

Спокойно наблюдать это было невозможно.

Мало того, что у меня уже давненько настроение было, мягко говоря, испорчено, так я еще и не тренировалась, можно сказать, весь летний отпуск и начинала чувствовать в этом необходимость.

А вот и случай подоспел.

Перекинув сумку за спину, я побежала к этим гадам.

В этот момент женщина, каким-то чудом вырвавшись, бросилась бежать, и тут я ее окликнула:

– Иди сюда!

Вскрикнув от неожиданности, она, не раздумывая, бросилась ко мне. За нею с громким матом устремились и трое мерзавцев.

Первого я встретила классическим прямым ударом ноги в живот и, развернувшись, послала ударом колена снизу вверх в продолжительный нокаут.

К сожалению, его ласкающий ухо стон слился с треском разрывающейся по шву моей юбки, то есть впечатление от удара оказалось смазанным, зато у меня резко поднялся индекс боевой злобы.

Порванная юбка никак уже не располагала к мирным переговорам, даже если эти хамы и решились бы на это.

Второй громила – ростом повыше – наклонил голову и, используя ее как таран, попер на меня, словно я представляла собой вражеские ворота.

Он мчался да еще подбадривал себя угрожающими криками.

Я решила не прерывать такого красивого бега и, подождав до предпоследней секунды, сделала полшага вправо, одновременно с этим выставив вперед левую ножку.

Очевидно, заглядевшись на нее, громила о нее споткнулся и со всего разбега врезался в стену старинного купеческого дома, издал великолепнейший по эмоциональной насыщенности вопль и уже в наступившей после этого абсолютной тишине сполз по стене и замер на асфальте бесформенной кучкой.

Нужно отдать должное прежним строителям: здание даже не дрогнуло ни от удара, ни от крика. Хорошо раньше строили, крепко.

Ну а третий хулиган оказался самым продвинутым. Увидев, чем дело кончилось для обоих его дружков, он выдернул из брючного кармана нож и щелкнул кнопкой. Выскочило длинное лезвие.

Резко и устрашающе махнув этим ножом прямо перед собой несколько раз, он медленно отступил назад на два шага, а потом быстро развернулся и помчался прочь от этого места в глубину двора с такой скоростью, что я сразу поняла: мне его не догнать никогда, даже если бы и желание было.

Я оглядела поле битвы и удовлетворенно перевела дыхание, почувствовав, что мое настроение улучшилось, и я даже была не прочь вернуться в «Рондо» и поискать там Володьку, если он, конечно же, появился со своей супругой.

Вспомнив о Володьке, я сперва обругала его в сердце своем, а потом для сохранения внутреннего баланса еще и похвалила: все-таки Володька приличный человек, всего лишь забрал ключи от моей машины, зато оставил ее стоять на месте, а ведь мог бы и сдать ее на штрафную стоянку.

Я вытрясла наконец-то камешек из босоножки и тут обратила внимание на женщину, всхлипывающую в нескольких шагах от меня. Честное слово, я совсем забыла о ее существовании.

Поправив обувь, я подумала, что без разговора все равно не обойтись, и решила выделить женщине пять минут, а потом уехать домой. Хватит, наотдыхалась.

Подойдя к женщине, я молча посмотрела на нее, не зная, что и сказать. Зато я разглядела, что она была примерно моей ровесницей, а может быть, даже и младше.

Шмыгнув носом, она заговорила первая.

– Спасибо вам, – произнесла девушка дрожащим голосом, и я, махнув рукой, поправила свою сумку и перевесила ее так, чтобы прикрыть разошедшийся шов на юбке.

– Пойдемте на свет, – предложила я ей, желая получше рассмотреть спасенную, да и вообще торчать в подворотне – это откровенный моветон и не для такой приличной дамы, как я. – Как же вас угораздило забрести в такое темное место? – спросила я, когда мы вышли. – Вам, наверное, романтики захотелось? – не удержалась я от остренького вопроса.

– Еще чего! – возмутилась моя спутница. – Они меня затащили, я вообще-то к подруге шла в гости. Единственный свободный вечер выдался, и надо же – весь пошел кошке под хвост.

– А почему не коту? – удивилась я новому для себя выражению.

Девушка хихикнула, и я поняла неуместность своего вопроса и решила представиться.

– Татьяна.

– Катерина, Катя.

Мы вышли на перекресток и почти сразу же наткнулись на летнее кафе, раскинувшееся на улице слева.

– Отдохнем немножко? – предложила я. – По-моему, можно и по пивку ударить. Опять же за знакомство...

– А без проблем, – тут же компанейски согласилась Катя, – пива хочется. Не могу успокоиться после того, как... Спасибо вам, Татьяна.

Мы с Катей зашли в кафе и сели за крайний столик. Моментально – и десяти минут не прошло – к нам подошла согбенная старуха в джинсовой куртке и в бейсбольной кепке.

Нервными движениями она повозила по столешнице вонючей тряпкой, приняла наш заказ и, шаркая подошвами «адидасовских» кроссовок, черепашью аллюром заспешила к стойке.

Я грустно проводила взглядом эту Тортиллу и достала из сумки сигареты.

– Ой, а дайте и мне тоже, – попросила Катя, – у меня были с собою, но куда-то делись. Выронила, наверное, когда... ну в общем, потеряла.

Я положила пачку на стол, мы закурили, и Катя, вздохнув, сказала:

– У меня вся эта неделя какой-то полный облом.

Она еще раз вздохнула и, махнув рукой, замолчала, сосредоточенно куря и думая о чем-то своем.

Появилась Тортилла, с ненавистью стукнула о столешницу донышками двух бутылок пива и поставила рядом с ними два стакана.

Я налила себе пива и, видя накатившую на Катю тоску, не стала ничего говорить и сделала два больших глотка из стакана.

Времени у меня было много, я раздумала куда-то мчаться и искать Володьку.

Надо ему будет – сам найдет.

– Так вы, Катя, говорите, что это были ваши знакомые? – продолжила я разговор, чтобы не молчать, и Катя, услышав мои слова, даже вздрогнула от неожиданности.

– Да вы что, Таня! Вам, наверное, послышалось! Я такого не говорила! Да я впервые в жизни видела этих уродов!

Катя так естественно распыхтелась, что ей нельзя было не поверить.

Пришлось мне, наивно хлопнув глазками, извиниться и признаться, что я на самом деле что-то спутала.

Катя быстро допила свое пиво и налила себе еще.

Положив подбородок на кулачок, она достала вторую сигарету из моей пачки и, в третий раз вздохнув, прикурила.

– Вся жизнь пошла наперекосяк, – пожаловалась она, – словно трещина какая-то пролегла, что ли.

– Бросьте вы переживать, – улыбнулась я, – это же было небольшое приключеньице, и закончилось оно без потерь для вас. Зато сколько адреналина выработалось! Вашему мужчине сегодня здорово повезет!

Катя криво усмехнулась.

– Моему мужчине повезет, – повторила она и нервно засмеялась, – какому из них, хотелось бы знать...

Я удивилась и с интересом взглянула на нее.

– У меня был возлюбленный, Олежка, он предлагал мне пожениться, – отрывисто заговорила Катя, – так его сегодня убили.

– Как убили? – спросила я, подумав о трупе, обнаруженном на пляже.

– А как людей убивают? Застрелили Олежку из пистолета... – Катя справилась с нервным спазмом и снова улыбнулась, – и неизвестно кто... А я ему даже ничего определенного и не сказала в тот день... – Катя опустила голову, потом резко ее вскинула и с нарочитой обидой закончила: – Ну, а второму моему мужчине дела нет до адреналина, лишь бы...

– Что лишь бы? – повторила я, проникаясь интересом к этой девушке: узнав сегодня про смерть жениха, она отправляется гулять, попадает в неприятную историю с хулиганами, теперь пьет пиво и рассуждает о мужчинах.

Слишком уж изысканный набор для одного дня. Я бы на ее месте предпочла остаться дома.

Хотя нет, не так. Я, разумеется, предпочла бы вообще не оказываться на ее месте, но все-таки Катя меня заинтересовала.

Далеко не всякая женщина имеет такую насыщенную жизнь.

– Да ничего, – отмахнулась Катя, – а вы, Татьяна, замужем? – спросила она.

– Не-а, – быстро ответила я, – и не хочется почему-то.

– Значит, мы с вами коллеги в этом смысле, – подвела итог Катя.

Слева от меня дернулся стул, я покосилась на него и увидела Володьку, усаживающегося рядом со мною.

Симпатичный он парень, только физиономия почему-то не очень счастливая. С чего бы это, а?

– Сколько лет, сколько зим! – воскликнула я. – Привез свою благоверную в «Рондо» и решил прогуляться? Воздухом свободы подышать?

Катя, увидев, что мы с Володькой знакомы, стушевалась и, попрощавшись, ушла.

– Кто она? – спросил меня Володька.

– Случайная знакомая, – ответила я, – а кстати, нет ли новостей про нашего знакомого парнишку?

– Есть кое-что. – Володька поерзал на стуле, обрадованный тем, что разговор с его персоны перешел на другого человека. – Есть новости, – повторил он, – у него в кармане обнаружили бумажку с записанным номером телефона, так это оказался телефон сестры. Наш парнишка был двадцати пяти лет, работал мастером-ремонтником в «Доме корейской электроники». Холост, снимал квартиру, ну и прочее. Все это было определено быстро, практически сразу же после моего предыдущего звонка. Сестра уже опознала тело и дала первые показания. Вот такие дела...

– А имя его ты помнишь? – спросила я, посматривая вслед Кате.

– Его звали Олег, – ответил Володька, – фамилию забыл, а это важно?

– Пока еще не знаю, – проговорила я, наблюдая, как Катя перешла улицу и зашла в подъезд дома, стоящего почти напротив кафе.

Я вынула из сумки мешочек с гадалыми косточками и, развязав его, высыпала косточки на стол перед собой.

30+13+2.

«Гордитесь молчанием, не хвастайтесь неосведомленностью».

– А почему ты вдруг вспомнила про эту историю? – спросил Володька, накрывая мою ладонь своей. – Что-то узнала? Или, возможно, соображения какие-нибудь появились в твоей мудрой головке?

Я покачала головой:

– Просто так.

Подумав, я решила подпустить пробный шар:

– Ты не думаешь, Володька, что я после всех этих переживаний буду плохо спать? Кошмары могут сниться...

Володька опустил глазки и пробормотал что-то про «укачать на ночь».

– Может быть, ты еще и песенку споешь? – проворковала я, спинным мозгом понимая, что про его жену лучше забыть и даже не заикаться.

– Если пожелаешь, могу и спеть, только негромко, – согласился Володька.

Ну как было пренебречь такими шикарными предложениями?

Вот и я не устояла.

Глава 3

Утром я проснулась от призывного набата, звучащего у меня в голове.

Мысли мои тут же вернулись к прошлому вечеру в кафе. Я четко вспомнила, что после прихода Володьки пиво сменилось приличным джином с тоником, потом джином без тоника, затем... На этом воспоминания и закончились.

Все, что произошло потом или могло произойти, я не помнила. Однако колокольный звон в головке намекал, что джином дело тоже не ограничилось.

Посмотрев сперва в потолок, затем окинув взглядом комнату, я все-таки узнала свою квартиру, и сразу чувство неуютности прошло, словно его не было вовсе.

Я снова закрыла глаза, больше не интересуясь ничем, даже какое сегодня число.

А не все ли мне равно, если очень хочется спать?

Повернувшись на левый бок, я вдруг ткнулась носом во что-то непонятное, тут же рефлекторно отпрянув и едва не грохнувшись на пол, открыла глаза и увидела лежащего рядом с собою Володьку Степанова.

Володька лежал на спине, раскинувшись, как море, широко, – и улыбался, видите ли, во сне.

Надо же: я из-за навязчивого музыкального оформления в головушке не могу удобную позу принять, а он еще и улыбается!

Решив не мешать ему наслаждаться снами, я как единственная близкая ему в данный момент женщина просто для порядка подползла к его уху и тихо спросила:

– Тебе снится, как ты в поезде едешь, опер?

Володька полуотвернулся к стене, и улыбка почему-то начала сходить с его мордашки. Потом он нахмурился и, вскинув левую руку, поднес к глазам запястье.

Не увидев на руке своих часов, он посмотрел на часы настенные.

– Ой, блин! – хрипло произнес Володька и, резко взмахнув уже обеими руками и придавая этим упражнением себе дополнительное ускорение, начал приподниматься с дивана.

– Кофе на прежнем месте в шкафчике, – ласково намекнула я ему и снова закрыла глаза.

Дождавшись, когда скрип открывающихся дверок шкафчиков, грохот упавших предметов и Володькино вялое ворчание, раздавшееся из кухни, указали мне, что время завтрака неминуемо подходит, я, свалившись с дивана, повлачилась в ванную, тщательно ощупывая по пути стены: мне это придавало хоть какую-то надежность.

Приняв холодный душ и замерзнув, как шарик-бобик в зимний день, я наконец-то проснулась, уменьшила в голове колокольный перезвон, но в общем и целом в нормальное состояние не пришла.

С тяжелым вздохом приковыляв в кухню и присев на табурет, я, сморщившись, посмотрела на чашку кофе, поставленную передо мною Володькой.

– Это что, синильная кислота? – с безнадежностью спросила я.

– Не знаю, Тань, – с усилием выдохнул из себя Володька, – на банке было написано, что кофе. Поверим тебе или не стоит?

Я кивнула и отпила глоток. Потом еще один.

Реально мне полегчало только после целой чашки и после сигареты.

Володька, тоже приведя мозги в относительную норму, принял какое-то решение и начал собираться.

– У тебя какие планы на сегодня, Тань? – спросил он меня из коридора.

– Уже не помню, – ответила я и тут же поправилась: – Нет, помню, у меня сегодня свидание с клиенткой. В летнем кафе.

– Места, однако, ты выбираешь, – проворчал Володька, наконец-то сумевший влезть в брюки.

– Ты мне позвонишь? – спросила я у него, как только он распахнул входную дверь и почти уже скрылся за ней.

– А?! – Володька, не расслышав, недоуменно воззрился на меня и, скороговоркой пробормотав: – А... ну да, а как же, пока, – выскочил и захлопнул дверь.

Я осталась одна, что было весьма удобно в моем положении.

Что бы там ни говорили неудачливые завистницы, а изредка брать в аренду чужого мужика и быстро избавляться от него, когда он начинает путаться под ногами...

Ну, в общем, это очень удобно. Как служба сервиса, например. Или «Скорой помощи».

Я взглянула на часы и увидела, что подошло время моей встречи с клиенткой в кафе.

Точнее сказать, мне осталось всего ничего – какой-то час на все про все.

Я, довольная тем, что Володька сам вытолкался за дверь, и обрадовавшись солнышку, заглянувшему в мое окошко, принялась обряжаться к официальной встрече.

Я выбрала для переговоров светло-голубой костюмчик, нацепила на себя самые большие из моих темных очков и направилась в соседнее летнее кафе, где должна была произойти ожидаемая встреча.

Мы с неизвестной мне клиенткой, представившейся как Валентина Петровна или Ивановна, не помню точно, в общем, как Валентина, договорились, что я буду держать в руках книгу. По ней она меня и определит: по нынешним временам человек с книжкой в руках уже является заметным в любой толпе.

Я прошла в кафе, окинула взглядом публику, собравшуюся там, всяких мальчиков и девочек, напоролась взглядом на чересчур полную девицу, евшую пончики, и, поправив очки на носу, устроилась за столиком.

Я заказала чашку кофе и, закулив сигарету, принялась листать захваченный мною из дома учебник по криминалистике. Несколько лет назад я забыла его сдать в нашу университетскую библиотеку, и вот наконец-то он пригодился.

Клиенткой оказалась как раз та полная девица.

– Это вы Татьяна Александровна Иванова? – с понятной для меня брюзгливостью спросила она.

Я кивнула и, совершив мыслительный подвиг, вспомнила сказанные мне по телефону имя и отчество.

– А вы Валентина Петровна, если не ошибаюсь? – холодно произнесла я.

– Точно, Валентина Курейкина, это я вам звонила вчера! Что-то вы выбрали странное место для делового разговора, – сказала Валентина Петровна, стараясь пробуравить глазами мои темные очки.

Осознав тщетность своих попыток, она нахмурилась, села напротив меня и побарабанила пальцами по столу.

– Я слушаю вас, – напомнила я ей, закрывая учебник криминалистики и доставая новую сигарету из пачки.

– Мне вас рекомендовали, – с заметным недоумением проговорила Валентина Петровна, продолжая рассматривать меня, – достойные люди...

– Вы думаете, что они ошиблись? – не выдержав, рассмеялась я, глядя на откровенную растерянность Валентины. – Мы можем просто поболтать ни о чем, пока не закончится кофе, а потом расстаться, словно никогда и не встречались. Ваше право. Вы ищете специалиста для решения ваших проблем, и естественно, что вы должны этому специалисту доверять. Иначе работа может не получиться.

– Я доверяю этим людям, я давно с ними работаю, и они ни разу не кидали меня, – сказала Валентина неожиданную вещь и, видимо, решилась. – У меня убили брата, я хотела

бы, чтобы вы занялись этим делом, – упрямым голосом проговорила она и выжидательно посмотрела на меня.

– А что милиция? – меня, разумеется, не мог не интересовать этот вопрос.

Убийство – вещь серьезная, и мнение людей, напрямую обязанных им заниматься, для меня, безусловно, имело значение.

– Вы недовольны проведенным расследованием или есть какая-то другая причина? – уточнила я. – Вас не удовлетворяет, как работают специалисты?

– Менты, что ли, специалисты? – Валентина Курейкина пренебрежительно фыркнула и махнула рукой. – Они говорят, что расследуют, изучают, одним словом, понты колотят, вот как я тебе скажу, Татьяна. Ничего, что я сразу на «ты»?

– Нормально, – улыбнулась я.

– Если бы все не знали, как работают наши менты, то и частных детективов не было бы, – безапелляционно заявила Валентина. – Я слышала, что ты расследуешь самые сложные дела. Правда, в смерти Олежки никаких загадок нет, нужно только подобрать доказательства и засадить эту суку-стерву с ее кобелем в тюрьму. Стерву за соучастие, а мужика за убийство.

– Секундочку, секундочку! – Я подняла обе ладони вверх, стараясь затормозить речевой поток моей напористой клиентки. – Условимся сразу же, – четко произнесла я, – никаких доказательств подбирать я не буду. Если я берусь за расследование, то это будет именно расследование и ничто иное. Только на таких условиях я буду продолжать разговор. Ясно, да?

– Зря ты так переполошилась! – Валентина хищно улыбнулась и пыхнула сигаретой в сторону. – Я не предлагаю тебе подтасовывать какие-то факты. В этом нет необходимости. Дело ясное, только вот наши менты, опасаясь за свои задницы, боятся копнуть где нужно, хоть я им и указывала. Да что толку орать на этих уродов!

Валентина Петровна махнула рукой и отвернулась, стараясь скрыть повлажневшие глаза.

Я попала в неудобное положение: клиент выплескивает на меня эмоции, а сути дела я пока не узнала. Ясно только, что разговор идет об убийстве какого-то мужчины.

– Пойдем прогуляемся, Валя, – предложила я ей, чтобы хоть как-то разрядить атмосферу.

Мы встали из-за стола, прошли вдоль по аллее, и наконец-то Валентина ввела меня в курс дела.

Валентина была хозяйкой небольшого продуктового магазинчика и работала там же директором. Ее родной брат Олег, отслужив в армии – весь последний год службы проведя в Чечне, – вернулся домой и устроился работать мастером в «Дом корейской электроники».

– Вчера его нашли, и, как я слышала, случайно там оказалась ты, – сказала Валентина, – я навела справки и подумала, что это судьба. Не будут менты искать там, где нужно, не будут, поверь мне, я точно знаю, а ты, возможно, захочешь, мы же договоримся с тобой за деньги, и тебе надо поддерживать репутацию.

Я, немного удивленная тем, как складываются события вокруг меня, попросила Валентину рассказать все максимально подробно. А потом пообещала принять решение.

– После возвращения Олежки из армии я предлагала ему заняться делом в магазине, – заговорила Валентина, – нужно же иметь верного человека, а приходится общаться или с жульем, или с пьянчугами, но Олежка уперся рогом: сам заработаю денег. Вот и заработал!

Валентина резким движением выкинула недокурную сигарету и продолжила:

– Влюбился он, дурачок, прости господи, в одну прошмандовку. Раза три – это только то, что я знаю, представляешь, Таня? – он звал ее замуж, хотя я была против категорически, но он звал, а она все смеялась над ним! Это что, нормальная баба?! Ты скажи сразу да или нет, а морочить парню голову – это самое последнее дело! Я правильно говорю?

– По-моему, правильно, – ответила я, – продолжай, пожалуйста.

– Ну вот я и говорю. Он и так к ней, и этак, а она промурыжила парня, не говоря ему конкретно ничего, а сама, между прочим, представляешь, живет на содержании у одного крутого бугра, вот из-за него менты и засунули свои языки в задницы и работать не хотят. Ну, а потом нашли моего Олежку, застреленного на пляже. Ты, кстати, и нашла.

Я помолчала, а потом осторожно задала вопрос:

– Ты говоришь, что дала оперативникам некую нить, на которую они не захотели обратить внимания. Я правильно тебя поняла?

– Я уверена, что это или сам Азбашев его застрелил, сволочь, или он людей нанял. Да, скорее всего, так и есть. У него же в конторе одни бандиты работают. Уж я-то это знаю!

Валентина резко рукой рубанула воздух и взглянула на меня, ожидая реакции на свои слова.

Фамилия Азбашева прозвучала для меня как неприятная музыка. Очевидно, это отпечаталось на моем лице, потому что Валентина, горько усмехнувшись, покачала головой и спросила:

– Что, Тань, страшно с ним связываться-то? – Валентина пристально взглянула на меня. – Если страшно – так и скажи, я пойму.

– Если я берусь за дело, то для меня уже не имеет значения, кто чем занимается и кто какой бугор, – ответила я, – я думаю только о том, кто виноват в преступлении. Из твоих слов я делаю вывод, что доказательств у тебя нет. Я права?

– Ну-ну, – довольно-таки скептически пробурчала Валентина и, вздохнув, осторожно спросила про мои гонорары.

На удивление, мы договорились с нею быстро. Наверное, Валентина думала, что из-за крутости ее основного подозреваемого я увеличу свои требования до космических высот, но я ограничилась обычными суммами.

В следующие полчаса, получив от Валентины нужные мне адреса, имена и несколько фотографий, я рассталась с нею и вернулась домой обдумывать ситуацию.

Не успела я как следует разогреть чайник и даже сигарету еще не выкурила, как раздался резкий звонок во входную дверь.

Будучи в полной уверенности, что это вернулся мой завравшийся путешественник с майорскими погонами, я, держа сигарету в руке, вышла в коридор и отперла дверь.

Меня сразу же сбили с ног, и двое мерзких громил вошли в квартиру, захлопнув дверь за собой.

Глава 4

Я откатилась в сторону кухни, вскочила на ноги и схватила в одну руку телефонную трубку, а в другую вилку.

Может быть, кому-то это и покажется смешным, но этой дурацкой вилкой я собралась защищаться насмерть.

Первый громила выдернул из-под футболки пистолет и поднял его ствол на уровень моей головы.

Пистолет – это серьезно, конечно, но я и тут решила не сдаваться: пулей-дурой в меня еще нужно было попасть, а между первым и вторым выстрелом многое может случиться.

Землетрясение, например.

Правда, на него я надеялась в самую последнюю очередь.

Опустив руку с трубкой вниз, я попыталась не глядя нашарить кнопки с цифрами 0 и 2.

Громила с пистолетом, глядя мне прямо в глаза, спокойно и утвердительно произнес:

– Ты Иванова.

Это было очевидно, по крайней мере для меня, и я не стала спорить и кивнула.

Желание поговорить всегда обнадеживает, потому что предоставляет слабой стороне целые груды шансов.

А шансы мне сейчас были нужны.

– Ну так слушай сюда, Иванова, – продолжил громила, и глазки его остекленели от желания нажать на спусковой крючок.

В это время второй бандит, ростом повыше первого, но лицом гаже и мерзопакостней, тихонько подошел к своему товарищу и встал слева от него.

– Сейчас с тобой поговорила одна баба. Она тебя фаловала на расследование по братцу, да? – произнес первый.

– А что? – наивным голосом поинтересовалась я. – Есть проблемы?

– А то! Сейчас они у тебя, и будет хуже!

Я поняла, что убивать меня пока не собираются, а идет процесс настойчивого увещевания, и успокоилась, даже почти обнаглела.

– Телефон положи, да! – тонким голоском потребовал длинный бандит, и я, помедлив секунду, подчинилась, положив трубку на кухонный столик.

Бандиты сделали шаг вперед, я – шаг назад.

Если бы они продолжили движение, то через три с половиной шага я уперлась бы... вернее, села бы на подоконник.

Вылетать из окна мне не хотелось, но этот вариант исключать не следовало.

В жизни бывают ситуации, когда добровольный прыжок из окна может стать самым желанным исходом.

Мне этого не хотелось, но готова я была.

– Слушай сюда, детективщица, – сказал первый, – ты позвонишь этой бабе и откажешься от расследования. Ясно, да? Проявишь понимание – будешь жить долго-долго, не поймешь – щас враз и объясним.

Я молчала, и мое молчание раззадорило громил.

Что может быть приятнее искреннего испуга беззащитной девушки? Только испуг толпы девушек. Такого не наблюдалось, и ребятам приходилось довольствоваться малым.

Первый громила ухмыльнулся, опустил пистолет и протянул вперед левую руку, наверное, мечтая потрепать меня по щеке.

Его надежде сбыться было не суждено.

Резко шагнув вперед и почти прижавшись к бандиту, я изо всех сил ткнула вилкой ему в пузо, одновременно с этим захватив второй рукой его запястье, чтобы он не смог воспользоваться пистолетом.

Громила взвыл и, прикрыв пузико ручечкой, отшатнулся назад, ударившись затылком о косяк дверного проема.

Нанеся коленом ему удар ниже пояса, я вырвала пистолет и тут же получила классный удар по лбу. Это второй бандит бросился на выручку раненому товарищу.

Но теперь-то уже я была вооружена и, отскочив к подоконнику, нажала на курок, направив ствол пистолета вниз.

Грохнул выстрел, и воцарилась немая сцена. Жаль полы.

Первый бандит перестал скулить и застыл скрючившись, второй тоже замер не дыша.

– А сейчас, ребята, вы спокойно уходите и вежливо прощаетесь со мною, – мягко проговорила я.

Они оба кивнули, демонстрируя потрясающую охоту выполнить любую женскую просьбу, и начали пятиться назад, перебегая глазками с моего лица на пистолет и обратно.

Дав бандитам возможность пройти три шага, я отлепилась от подоконника и медленно пошла за ними.

– Ну ты только не волнуйся, – удивительно бережно относясь к моим нервам, сказал высокий, – мы типа на работе и пришли только пугнуть.

– В натуре, – подтвердил низкий, уже отдышавшийся, но продолжавший поддерживать и пузо, и то, что под ним, словно ожидая от меня повторения экзекуции.

Но в жизни я никогда не повторяюсь, я предпочитаю импровизации.

Бандиты уткнулись спинами во входную дверь и остановились.

– Ну ты, «ствол» отдай, а? – попросил подраненный и скорчил постную физиономию. – Он же казенный. Честное слово.

Я задала неожиданный вопрос:

– Как имя-отчество Азбашева? Быстро!

– Рафаэль Константинович, – дуэтом ответили оба громилы и растерянно переглянулись.

– Спасибо, – поблагодарила я их, – передайте ему привет, а теперь открывайте дверь!

Они послушались и, все так же пятясь, выползли на лестничную клетку.

Я выдернула из пистолета магазин, швырнула пистолет на пол за дверь, а из обоймы повыщелкивала себе в квартиру все патроны.

– В следующий раз перед тем, как вломиться, попросите разрешения и скажите «пожалуйста», – напоследок посоветовала я и, бросив вслед за пистолетом и пустой магазин, захлопнула дверь.

Гордой походкой я вернулась в кухню, подобрала по пути вилку и выбросила ее в мусорный пакет.

Проследив из окна, как неудавшиеся страшилы погрузились в белую «десятку», я поставила на плиту турку с кофе и решила посоветоваться с гадальными косточками.

В этом созрела реальная необходимость.

Самое приятное в сложившейся ситуации было то, что я не только сумела узнать хозяина визитеров, но и подтвердила свою несомненную квалификацию как специалиста по уговариванию чужих мужиков.

Даже маленькая победа над противником создает хорошее настроение.

Основной подозреваемый, названный мне Валентиной, которой я не склонна была верить, все-таки подтвердил этот свой статус.

Неприятна была скорость, с которой он сумел организовать наезд на меня. Из этого следовало, что Валентина находилась под колпаком, а с этого момента и я уже не могла себя

чувствовать в безопасности. Азбашев – явно человек с возможностями, и это надо учитывать.

Перекатав косточки в ладонях, я высыпала их перед собой на столешницу.

Косточки высказали следующее мнение:

35+1+22.

«У Вас есть тайные враги, о которых Вы и не подозреваете».

Закурив, я подумала, что в принципе мне бы и одного Азбашева хватило за глаза, но, имея еще кого-то, я рискую многим. И, возможно, не только успехом в расследовании.

Налив себе кофе, я принялась изучать фотографии, переданные мне Валентиной, и вспоминать ее слова.

Посмотрев на первую фотографию, я тут же узнала свою вчерашнюю знакомую Катю.

По словам Валентины, именно Катя Фролова, недостойная невеста Олега и официальная любовница Рафаэля Азбашева, и явилась причиной и поводом для убийства.

Азбашеву я пока решила не наносить визита, а вот Катя Фролова мне была нужна, и я решила начать с нее.

Подозревать Катю было бы логично, если бы не одно маленькое обстоятельство.

Не надо забывать, как я с ней познакомилась. Получалась интересенькая картиночка: уж не пытался ли Азбашев вчера заткнуть рот своей любовнице, как и мне только что?

Если дело обстояло именно так, то это значит, что у них с Катериной разгорается конфликт, из которого нет простого выхода. Иначе и не объяснишь, почему понадобилось посылать бандитов для разговора с нею.

Выходя из дома и садясь в машину, я подумала, что такое открытие нужно перекурить.

Вчерашнее нападение на Катю и сегодняшнее – на меня очень хорошо укладывались в действия либо Азбашева, либо некоей группы, не желающей расследования убийства Олега Курейкина.

Одно только заставляло меня сомневаться в поспешном, но кажущемся логичным выводе: вчерашние ребята, напавшие на Катю, вели себя как-то уж слишком по-ребячьи.

Не похожи они были на профессионалов.

Я ехала к Кате Фроловой и вспоминала подробности разговора с Валентиной.

Олег Курейкин был убит выстрелом в грудь предположительно из пистолета, патроном «парабеллум», но пока определенно говорить о типе оружия было рано. Слишком мало прошло времени, и эксперты продолжают работать.

Патроны «парабеллум» используются в десятках систем пистолетов и автоматов во всем мире.

Валя, как она считала, подсказала мне, что оружием убийства мог быть и иностранный пистолет, я промолчала на это замечание.

В любом случае вовсе не следовало ожидать, что Азбашев, даже если он и захотел избавиться от Олега, сделал это собственноручно. У него есть исполнители, как я успела заметить.

Валентина продиктовала мне адрес Кати, и, руководствуясь ее информацией, через двадцать минут я подъехала к нужному мне дому.

Катя жила в новом девятиэтажном доме на проспекте Октября.

Я поставила «девятку» напротив дома, подошла к запертому на кодовый замок подъезду и, набрав на панели замка номер Катиной квартиры, подождала ответа из микрофона. Но вместо этого замок отщелкнулся, и дверь отворилась.

Как видно, вчерашнее событие не научило Катю ничему или же она ждала гостей.

Поднявшись на лифте на четвертый этаж, где жила Катя, я даже не успела позвонить в звонок двери, как дверь квартиры отворилась и Катя сама выглянула наружу.

– Это ты? – спросила она у меня с веселым удивлением, заглядывая мне за спину.

– Это я позвонила тебе, – сказала я, – привет!

Катя нахмурилась:

– Надо же, а я и не помню, что давала тебе мой адрес. Но это и к лучшему! Заходи, Татьяна, будем наполняться кофеином! – рассмеялась она и впустила меня внутрь квартиры.

Двухкомнатная квартирка, в которой жила Катерина, была небольшой, но премиленной. Здесь превалировали розовый цвет и мягкость. Это выглядело бы прекрасным любовным гнездышком, не будь оно таким приторным.

Катерина проводила меня в розовую гостиную, посадила на диван, покрытый розовым покрывалом, и удалилась в кухню за кофе.

За пять минут ее отсутствия я успела и осмотреться, и заскучать. Пошлые блестящие картинки на стенах и розоватый свет, падающий из окна сквозь розовый тюль, действовали на меня усыпляюще.

Когда появилась Катя с подносом в руках, я уже почти дремала.

– Кемаришь, Татьяна? – спросила она, ставя на журнальный столик поднос с чашками и блюдами. – Давление бьет по мозгам? Это пятна на солнце посылают нам магнитные бури. Из дома выйти нельзя, поэтому я и скучаю здесь.

Я пожала плечами, Катя села напротив меня в кресле. Нужно ли сообщать, что кресло тоже было обтянуто розовым гобеленом?

– Я не помню уже – мы с тобою на «ты» или на «вы»? – Катя наморщила лобик и махнула рукой. – Не возражаешь, если будем на «ты»? Это проще, мы же с тобой не миледи английские, а тарасовские девчонки.

Я кивнула, действительно, сложности и мне были ни к чему.

– Интересно ты живешь, – осторожно начала я, пробуя кофе.

Кофе оказался великолепным.

– Нормально, – ответила Катя и пододвинула ко мне вазочку с печеньем, – тебе нравится?

– Впечатление сложное, – призналась я, – как будто это будуар современной Клеопатры.

– Ну это ты загнула! – Катя рассмеялась и, положив себе в чашку две ложки сахара, начала размешивать, громко стуча ложкой о края чашки. – Ты не читала Золя, сразу видно. Был такой писатель иностранный. Он уже умер. Моя квартира похожа на будуар буржуазной содержанки, вот на что! А Клеопатра была царицей, она и спала с царями. А я с бизнесменами. Разница есть?

Я промолчала, согласившись, что разница между Цезарем и Азбашевым должна быть. Цезарь электроникой не торговал.

Катя, видя, что я не собираюсь спорить, кивнув мне, продолжила:

– Да, я – содержанка! А знаешь, кроме отсутствия штампика в паспорте, это практически ничем не отличается от статуса жены, а удобств, между прочим, гораздо больше. Посмотрела я на этих несчастных жен: никаких радостей в жизни, только вонючие носки и щи в кастрюле. Это жизнь? Это прозябание, точно тебе говорю!

Катя подняла чашку и замолчала.

Получив возможность высказаться, я эту возможность и не упустила. Как оказалось, на своей территории Катя была разговорчива. Может быть, это и хорошо. Я собралась проверить свое наблюдение.

– Я тебе не говорила, чем я занимаюсь? – спросила я, оглядываясь в поисках пепельницы.

Катя, угадав мое желание, протянула руку назад, почти не глядя взяла с полки открытого шкафа пепельницу, сделанную из розового родонита, и поставила передо мною. Оттуда же она извлекла и пачку «Русского стиля» и зажигалку.

– Такие куришь? – спросила она. – Угощайся. Так о чем ты меня спросила?

Я повторила свой вопрос.

– Нет, не знаю! – Катя внимательно посмотрела на меня и чуть нахмурилась. – А на самом деле ты кто? Надеюсь, не собираешься составить мне конкуренцию?

Катя переволновалась и, сжав губы, тихо проговорила:

– А я ведь и действительно не говорила тебе свой адрес. Это тебе Рафик его сказал?

Я чуть удивилась, услышав про «Рафика», но сообразила, что Катя спрашивает про Азбашева, и улыбнулась.

– Я частный детектив, – пояснила я и подала ей свою визитную карточку, – и как буржуазной содержанке я тебе не буду перебегать дорогу.

Катя прочитала мою визитку и положила ее на стол рядом с собою.

– Классно! – воскликнула она. – Действительно классно, и, ты знаешь, я хочу с тобой посоветоваться по одному важному делу.

– Ну прекрасно: ты будешь советоваться со мной, а я с тобой, – заметила я.

– Это как? – Катя непонимающе взглянула на меня. – А я чем тебе могу помочь? Если честно, я детективы даже не смотрю...

Катя снова наморщила лобик, подумала и довольно улыбнулась, видно, поймав в извилинах ценную мысль.

– Знаю! – воскликнула она и даже восторженно хлопнула ладонью по столу. – Знаю! Нужно найти окуроч. Всегда, когда находят окуроч, сразу же находят и преступника. Вот!

Я кашлянула:

– А если преступник некурящий?

Катя снисходительно посмотрела на меня.

– Ну это же ясно, – фыркнула она, – если он некурящий, то и окуроч нет. Это называется уликой! Есть окуроч – ищем по окурочу, нет окуроч – ищем некурящего!

Катя, осознав, какую гениальную вещь она высказала, опять воскликнула:

– Как просто! Вот состарюсь, стану старой калошей и буду детективщицей... ну, короче, расследовать. Советуйся! – Она даже зажмурилась от предвкушения того, как сейчас своим советом поможет мне в каком-то трудном деле.

– Я сегодня приняла новое задание, – спокойно проговорила я, стряхивая пепел с сигареты в родонитовую пепельницу, – мне поручили расследовать обстоятельства гибели Олега Курейкина.

Повисла пауза.

Катя приоткрыла рот, потом медленно закрыла его.

– Ну и ну, – проговорила она, – а я-то тут при чем? Ты думаешь, это я его убила? Ты с ума сошла! Это же неправда, Таня!

– Никто и не говорит, что это ты! – возразила я. – Я хотела бы расспросить тебя об Олеге. Почему ты не соглашалась выйти за него замуж?

– Смеешься?! – вскричала Катя. – Посмотри вокруг. Потерять все это и переселиться в какую-то коммуналку и жить на его зарплату? Да я на один приличный ужин трачу больше, чем он получает за месяц. Мне это надо? Ни хрена!

– Ты не могла ему прямо отказать? – мягко попеняла я, но Катя только замахала руками.

– Он говорил про любовь! Ты знаешь, это такое слово... – Катя бросила взгляд сперва налево, потом направо, словно ища подсказки, и снова наморщила лобик, – ну в общем, я решила потянуть немного, а там, глядишь, и само бы у него все прошло. У всех проходит.

– У него кончилось иначе, – подумала я вслух и затушила сигарету.

– Ну я тут ни при чем! – Катя встала и направилась в кухню за второй порцией кофе. – Время лечит, и все уходит вместе с ним! – прокричала она оттуда. – Вот если бы его не убили, я тебе точно говорю: он бы перебесился, нашел бы себе такую же, как и он, механичку,

или как эта профессия у женщин называется? Он же сам механиком работал или техником, никогда не могла запомнить точно. Ну, короче, нашел бы себе простую бабу, уборщицу, вот они бы и зажили душа в душу! А мне такого счастья не надо, я и так счастлива!

Я вздохнула и прикурила вторую сигарету.

Катя не тянула на роль убийцы по причине менталитета. Но оставался еще Азбашев, и нужно было выяснить его мнение насчет Олега.

Катя вернулась, поставила передо мною новую чашку, а старую убрала на поднос.

– Мне не было смысла его убивать, – сказала она, усаживаясь в кресло.

– Я поняла, тебе и так хорошо, – кивнула я.

– Ну, конечно, – Катя тут же подозрительно сощурилась, – издеваешься?

Я заверила ее, что такого даже в мыслях не было, и спросила нарочито небрежным тоном:

– А как у вас развивались личные отношения? Вы, как говорят сейчас, «дружили»?

– Ты спрашиваешь, не трахались ли мы? – конкретизировала Катя. – Ну и трахались, а что? Я не садистка, и если настроение подходящее и возможность есть, то почему бы и не пожалеть мальчонку?

– А Рафик был в курсе ваших отношений? – тихо спросила я.

Катя даже вздрогнула и поежилась, как будто из окна на нее дохнуло холодом.

– А вот этого не надо! – жестко произнесла она. – Это моя личная жизнь, и вот она-то никого не трахает. Рафик – отдельно, Олег – отдельно. Мне не нужны неприятности.

Она помолчала и подозрительно посмотрела на меня:

– Я тут тебе наговорила лишнего... Ты, Таня, будешь встречаться с Рафиком? – с беспокойством в голосе спросила она.

– Есть такое в планах, но я понимаю вещи, которые мужчинам знать не следует.

Катя надула губки и, насыпав в свою чашку с кофе сахар, снова начала громко помешивать.

Искоса посмотрев на меня несколько раз, Катя, видимо, решила, что мне стоит доверять, все равно уже ничего не поделаешь: она проболталась, и ссориться со мною не следовало.

Чтобы не молчать, я напомнила ей, что она сама собиралась со мною о чем-то поговорить.

– Я?! – вскричала Катя и тут же вспомнила. – Да, ты знаешь, у меня проблемы. Блин, даже не знаю, как тебе сказать.

Я помолчала.

Катя, усиленно морща лобик и сжимая губы, обдумала свою мысль и выпалила:

– Меня шантажируют!

– Чем же? – спросила я.

Катя поерзала в кресле и ворчливо произнесла:

– Чем, чем. Вот как раз отношениями с Олегом. Рафик нормальный мужик, но когда у него в башке заклинит, он мебель начинает крушить. Псих, короче, ненормальный. Что мне делать, Таня?

Я покачала головой:

– Я пока еще ничего не поняла. Вас видели с Олегом вместе и сделали фотографии или видеозаписи? Чем конкретно тебя шантажируют?

Катя опустила глазки.

– Не фотографии, – сказала она, – а записи. На кассете.

– Вы встречались где-то в другом месте и там стояла видеокамера? – уточнила я.

– Ай, ты ничего не поняла! – Катя наморщила носик и покачала головой, видимо считая меня беспросветной дурой.

Я улыбнулась:

– Расскажи подробно, пожалуйста.

– Ну я же и рассказываю! А ты перебиваешь!

Она закурила и начала:

– Зачем мне еще где-то встречаться? Здесь, что ли, плохо? И время всегда можно подобрать с умом, если не наглеть. Рафик часто уезжает в командировки на несколько дней, в такие дни я даже не знаю, чем и заняться. Ну, мы тут и встречались с Олегом. А потом в один прекрасный день – блин, лучше бы я в гости ушла куда-нибудь, честное слово, – ну, короче, звонят мне по телефону и предлагают купить кассеты. Ну я, натурально, думаю, что это типа, – Катя забыла слово и помахала пальчиками, – ну эти придурки «здравствуйте-вамохрененно повезломывамдаримчудеснуюхреновинкузастобаксов!». Как они называются?

– Коммивояжеры, – подсказала я, уже утомившись от этого разговора.

Если бы не слова Кати про шантаж, связанный с Олегом, я давно бы ушла и дверью хлопнула, честное слово.

– Во-во, коммивояжеры, правильно, – подхватила Катя, – спасибо, Тань. Ну в общем, я собираюсь трубку бросить, потому что у меня этих кассет – и таких, и других – вон, целый ящик пылится, я, кроме «Унесенных ветром», и смотреть ничего не могу больше. Сильный фильм, правда?

Я охотно покивала.

– А этот гад мне и говорит по телефону: «У вас в почтовом ящике лежит бесплатная кассета в подарок». До свидания.

– Одним словом, – перебила я, потому что не выдержала больше этого словесного недержания, – ты сходила, взяла кассету, а на ней вы с Олегом.

– Точно! И теперь этот гад требует деньги, он говорит, у него еще есть!

– Даже если больше нет, – догадалась я, – то и этой одной хватит, чтобы Рафика завести. Катя промолчала и нахмурилась.

– Ты решила отдать деньги? – спросила я.

– Ну да, – Катя печально повела очами, – пять штук баксов потребовали, еле собрала. Даже две штуки у Рафика выпросила, сказала, что ему на подарок. А теперь я хочу тебя попросить отнести эти деньги и забрать кассеты. За деньги, не на халяву, ты не думай!

– А почему ты сама не хочешь идти? – естественно, поинтересовалась я.

– Боюсь, – зло ответила Катя и, вздохнув, добавила: – К тому же сегодня вечером у меня приемный день. Вот так.

Глава 5

Я села в свою «девятку» и мощным волевым усилием постаралась выкинуть из головы весь словесный мусор, щедро накиданный туда Катей.

Есть девицы, с которыми совершенно невозможно разговаривать, их невозможно слушать, и, если бы они были немыми, мир только выиграл бы от этого.

После разговора о шантажисте от Кати я ушла лишь через час, потому что открытия следовали одно за другим.

Например, записи, о которых говорила Катя, были не видео, а аудио.

Я удивилась и для начала спросила, как, по мнению Кати, были сделаны записи их встреч с Олегом, и оказалось, что она даже ни разу не задалась этим вопросом.

– Я не знаю, как это получилось, но сомнений нет, на записи мы с Олегом. – Катя немного смутилась, но тут же, вскинув голову, гордо посмотрела на меня.

– И теперь за это требуют пять тысяч долларов? – уточнила я.

– Да. Он сказал, что записей у него несколько. Что мне делать, Таня? Нужно платить.

– Этим ты не избавишься от шантажиста, – заметила я, – ничто не мешает ему сделать копии записей и представить тебе новый счет.

Катя потерла ладони друг о друга и повела плечами, словно ей внезапно стало холодно.

– Что же мне делать? Таня! Что мне делать?

Я высказала очевидную истину:

– Нужно навсегда уничтожить источник опасности, это же ясно.

– Да ты что мне советуешь! – вскричала Катя. – Убийство?! Ты с ума сошла!

– Про убийство ты сказала, а не я, – поправила я Катю, – я сказала только про уничтожение источника, а это достигается несколькими способами. Например, во всем признаться Азбашеву, и тогда причина для шантажа отпадет сама собой.

– Ну ты сказала! Мне кажется, что убить шантажиста будет проще, – невесело пошутила Катя.

– Можно написать заявление в милицию, – занудно продолжила я.

– Хватит, Таня! – Катя даже стукнула кулачком о столешницу. – Твои советы ведут к одному и тому же. Ты хочешь разрушить мою жизнь! Тогда это все равно будет известно Азбашеву, и кранты всему. Не-ет! – Катя вскочила и пробежалась в волнении по комнате. – Я предпочитаю заплатить и договориться. Не может же человек взять такие деньги один раз, а потом потребовать второй! Мне больше неоткуда их будет взять! Я и так уже заняла почти половину. Рафик очень интересовался, я выкручивалась, как могла, но больше мне точно уже нигде не взять.

– Ладно, давай по порядку. – Я решила организовать этот бестолковый разговор как только возможно. – А что именно тебе предлагают купить? – задала я наконец прямой вопрос, и Катя, чуть покраснев, вынула из нижнего ящика мебельной стенки кассету и вставила ее в магнитофон.

Посмотрев на меня так, словно она была не уверена, пойму ли я то, что услышу, и не придется ли мне давать пояснения, она нажала кнопку.

Раздались характерные звуки, сопровождающие обычно человеческие сексуальные отношения.

Затем порывистым шепотом мужской голос произнес:

– Катька, Катька, ты такая классная... А своему татарину... Рафику ты делаешь так же?

В ответ раздался радостный Катин смехок, и шутливым голосом она пропела:

– А не скажу-у... А я еще и вот так могу, Олежик...

В ответ послышался мужской стон...

– Спасибо, я поняла, – произнесла я, и Катя тут же выключила магнитофон.

Как мне показалось, она даже вздохнула с облегчением.

– А где конкретно происходило... это? – спросила я.

– Здесь, где еще, я же тебе говорила. – Катя недоуменно посмотрела на меня, а я взглянула на нее. – В спальне, – тихо добавила Катя.

– А как могли появиться эти записи, ты не знаешь?

– Понятия не имею. – Катя развела руками, демонстрируя, что уж эта проблема точно выше ее понимания.

– Так нужно посмотреть. Сначала в спальне, потом в соседней комнате, то есть в этой, как я понимаю, затем выглянуть из окна. Подобные записи делаются обычно стационарным микрофоном.

Я зашла в розовую спальню и тут же заглянула под кровать.

Микрофон был обнаружен сразу: он был аккуратно прикреплен к низу кровати.

Не удержавшись от искушения, я щелкнула по нему пальцем, хотя было весьма маловероятно, что кто-то по ту сторону радиоволны сидел в наушниках, как показывают в фильмах, но искушение было слишком велико, чтобы от него можно было так просто отказаться.

– Вот и ответ на твой вопрос, – сказала я, отряхивая слегка запачканную в пыли юбку и показывая оторванный от крепежа передатчик. – Если бы ты чаще заглядывала под кровать, можно было бы сегодня так не волноваться. Кто, кроме тебя и Азбашева, еще имеет ключи от этой квартиры?

– Хозяйка, – объяснила Катя, – Рафик снимает эту квартиру, и у хозяйки, конечно же, остался ключ. Она приходит каждый месяц первого числа.

– Лучше бы тебе сказать Азбашеву об этом микрофоне, – повторила я свой совет. – Он быстро решит этот вопрос.

Катя поморщилась и убежала в кухню за следующими порциями кофе. Вернулась она не только с кофе, но и с моим гонораром, который решила заплатить вперед, и с сотовым телефоном.

– Сегодня, когда шантажист мне звонил, он сказал, что в почтовом ящике будет лежать мобила, вот эта, значит, – объяснила Катя, – когда пойдешь на встречу, связь с этим гадом будет по телефону.

– Он ждет тебя, а не меня, – нашла я причину для отказа, – мне твой шантажист может и не доверять!

– Ерунда! – Катя сунула мне в руку сотовый телефон. – Я ему сказала, что сама прийти не смогу, и спросила, можно ли прислать кого другого вместо меня. Он ответил, что только женщину. Я думала мамашу свою зарядить, а тут ты появилась...

Катя принялась меня уговаривать, и наконец мы пришли к общему знаменателю: я согласилась на предложение Кати отвезти выкуп, хотя и упрекнула себя пару раз за сердечную доброту.

Шантажист – мужчина, как утверждала Катя, – звонил и требовал деньги именно сегодня в восемь часов вечера. А сегодня, как уже говорилось, у Кати была встреча с Азбашевым. Пренебречь правами обладателя она не находила возможным.

До восьми часов время еще оставалось, и я решила съездить к себе домой переодеться, вооружиться и подготовиться психологически – это означает в тишине попить кофе и погадать на косточках.

Если бы две истории – убийство Олега и шантаж Кати – не казались мне прочно связанными между собой, еще неизвестно, согласилась ли бы я. Говоря откровенно, Катя мне за сегодня ужасно надоела.

Причем всерьез и надолго.

Я вывела «девятку» со двора дома Кати и, покрутившись по узким улицам центра, выехала на дорогу, ведущую в самое уютное место на свете: к моей квартире.

Через десять минут после отъезда мне показалось, что неизвестная мне темно-синяя «девяносто девятая» слишком часто замелькала в зеркале заднего вида.

Еще через пять минут легких маневров я убедилась, что синий автомобиль явно проявлял интерес к моей машинке, и мне это совершенно не понравилось.

Я, наплевав на правила, знаки и нудных дядечек в серых кепках, несколько раз повернув под светофор, обнаружила, что севшие мне на хвост ребята оказались напористыми.

Все это означало, что дело Олега Курейкина становилось тепленьким. Предстояла задача не довести его до горячего состояния.

Ну уж что-что, а отрываться от погони я умею. Если, конечно, дать мне для этого время и возможности, – грустно пошутила я над собой и снова свернула, на этот раз уже в совершенно неполюженном месте, и, подкатив к парадному входу в Кировское РОВД, выскочила из машины и вошла в стеклянные двери отдела быстрой и решительной походкой.

Мне ничего не нужно было в этом здании, кроме его служебного выхода.

Пройдя мимо дежурного сержанта, я, кивнув ему, поздоровалась, хотя видела его впервые в жизни, и пробежала по трем ступенькам к служебному выходу.

Отсюда было почти рукой подать до двух перекрестков. Я могла считать, что от «хвоста» оторвалась.

Пройдя кривоватыми улочками до третьей параллельной улицы, я махнула рукой проезжающему мимо «жигуленку» и благополучно доехала на нем до дома.

Первым делом я, разумеется, переоделась, выбрав из своего гардероба темный брючный костюм, затем поставила на плиту кофе и вынула из сумки замшевый мешочек.

Дело представлялось мне серьезным, и я потребовала от гадальных косточек понимания. Хамства от них я бы не приняла ни под каким видом.

– Вам все ясно?! – грозно спросила я, просверлила их насквозь страшным взглядом и бросила косточки на стол.

Расклад выпал озадачивающий:

16+5+29!

«Вам грозит неудача, и лишь ценой огромных усилий Вам удастся предотвратить ее».

Я закурила и подумала, что все-таки зря я согласилась на это гнилое дело. Вариантов неудачи могло быть выше крыши. Например: я могла отдать деньги и в ответ не получить ничего.

Или потерять деньги.

Или отдать деньги, а потом меня бы просто убили.

Последний вариант мне не понравился совсем, и я пообещала себе не доводить дело до него.

Подумав еще раз, я мысленно попросила у костей или конкретизации опасности, или, по крайней мере, как мне лучше выбираться из того дерьма, в которое я должна буду вляпаться.

4+20+25.

«В принципе нет ничего невозможного для человека с интеллектом».

– Вот так, – пробормотала я и, выпив кофе, вздохнула и пошла к выходу.

Помимо гадальных косточек, в сумке теперь у меня лежал и мой верный «макаров».

С таким оружием любая девушка почувствует себя в безопасности.

Подумав перед дверью, я вернулась в комнату и кинула еще в сумку аудиоплеер, чтобы сразу прослушать то, что мне подсунут, а не дергаться в догадках и подозрениях до самого возвращения.

Я выехала на такси на Фрунзенскую площадь, которая была определена местом передачи дальнейших указаний от шантажиста.

До восьми часов оставалось еще около пятнадцати минут, и, пока чужой сотовый молчал, я бродила мимо киосков печати.

Я купила какой-то бестолковый журнальчик с цветными картинками и рассеянно листала его, стоя рядом с деревом недалеко от крайнего киоска.

Я выкурила сигарету и, зевнув, бросила журнальчик в урну.

Всегда приятно осознавать свое мастерство, даже в таком смешном тренинге.

Взглянув на наручные часы и увидев, что уже натикало восемь, я ударилась в самую пошлую панику: указаний все еще нет, а бесцельно бродить около урны мне уже так надоело, что я была готова выудить из нее свой журнальчик обратно и перелистать его заново.

Хуже нет, чем ждать неизвестно чего, которое должно наступить неизвестно когда.

Я находилась на открытом месте, и это говорило о предусмотрительности шантажиста.

Меня можно было разглядеть как минимум с трех сторон, и, наверно, сейчас меня как раз и изучали из окон близлежащих домов. А может быть, меня просто рассматривали с противоположной стороны площади из толпы граждан, ожидающих общественный транспорт на остановке.

В десять минут девятого, когда у меня уже не хватало терпения даже съесть мороженое, купленное исключительно для убыстрения хода времени, из моей сумки, висевшей на плече, послышался мелодичный перезвон. Это звонил мобильник, данный мне Катей.

Я отступила за ближайший киоск и, встав почти вплотную к стволу тополя, вынула трубку из сумки.

– Да! – осторожно сказала я.

– У вас все с собой? – гнусаво спросил меня непонятный голос.

Как я ни вслушивалась, я не смогла понять, принадлежит он мужчине или женщине.

Скорее всего, мой невидимый собеседник закрыл мембрану своего телефона платком и постарался максимально изменить голос, и поэтому он звучал ненатурально. Словно я разговаривала с роботом из мультиков.

– Да, я все принесла, – ответила я и, прослушав указания, осмотрелась.

На противоположной стороне дороги подошедший троллейбус забрал часть граждан, и среди нескольких оставшихся там стоял высокий худой парень, который разговаривал по мобильному телефону.

Я внимательно посмотрела на него, но он ничем не проявил интереса ни к моей персоне, находящейся от него на столь большом расстоянии, ни к чему бы то ни было, кроме своего телефонного собеседника.

Указания шантажиста были несложными, но за их кажущейся простотой могло скрываться все, что угодно. Мне рекомендовалось зайти за ближайший жилой дом и в находящемся там гаражном кооперативе найти какой-то заброшенный пожарный щит и ждать следующего звонка.

Я была готова к тому, что обмен денег на кассеты будет обставлен сложностями, поэтому только вздохнула и побрела в указанном направлении.

Если уж совсем честно говорить, то я даже до конца не понимала, что именно мне не нравится: то ли то, что дело затягивается, то ли обещанные костями гадости.

На город уже спускались вечерние сумерки: осень, хоть и ранняя, – это вам не лето, пусть даже и позднее.

После восьми вечера уже становится темновато.

Я, как мне и было велено, зашла за дом и обнаружила за ним распахнутые ворота из толстой металлической арматуры. За воротами тянулись, искривляясь улочками-переулочками, ряды гаражей.

Я пошла по левой стороне этих убогих строений, которая замысловатой петлей вывела меня в длинный и узковатый ряд, с левой стороны высилось шестиэтажной серой громадой здание неведомого мне долгостроя.

Справа тянулись все те же скучные гаражи.

Стена долгостроя уходила вверх, ни одна дверь не выходила наружу, только окна, забранные решетками. Попав сюда, я огляделась в растерянности.

Очень уж это аппетитное место было для внезапного покушения на одинокую Таню Иванову. Я была открыта с двух сторон и не видела никого.

Снова зазвонивший телефон отвлек меня от изучения диспозиции, и, вынув его из сумки, я услышала все тот же ненастоящий голос:

– Подойдите к старому пожарному щиту и встаньте рядом с бочкой.

Разгромленный и облупившийся от дождей щит я заметила еще раньше. Он находился в пяти-шести шагах слева от меня.

Над ним чернело окно второго этажа, забранное грубой решеткой из металлического прута.

Осторожно, на цыпочках подойдя к этому щиту и встав под окном, я услышала какой-то легкий скрежет по стене.

Резко оглянувшись, я заметила толстую леску с крючком, сделанным из канцелярской скрепки.

Посмотрев вверх, я увидела, что леска спускается из окна.

Крючок остановился примерно на высоте одного метра от земли и несколько раз дернулся.

Я еще раз огляделась, досадуя на сволочную предусмотрительность неведомого мне шантажиста.

Однако делать было нечего. Хоть и не так я представляла себе культурный обмен, но пришлось принять условия игры.

Прицепив пакетик с деньгами к скрепке, я дернула один раз за леску, и мой груз поплыл вверх.

Когда пакетик, поднявшись, исчез в темном окне, я услышала шорох, а затем увидела, как сверху спускается прозрачный полиэтиленовый пакет, где лежали три кассеты.

Я не стала дожидаться, когда пакет доплывет до меня, потянувшись, сорвала его и раскрыла.

Три кассеты позволяли надеяться на честность моего партнера, но все-таки я быстро сунула одну кассету в захваченный заранее плеер и включила его.

Сразу же из наушника раздался мужской голос:

– ...этот толстопуз оборзел до последней крайности. Такого хамства он раньше себе не позволял.

– Ты не преувеличиваешь, Рафик? – спросил другой мужской голос, и я выключила плеер.

Как показал мне шантажист, у него есть еще и записи каких-то бесед Рафика Азбашева.

Бросив весь свой улов с плеером в сумку, я решила теперь сыграть в свою игру.

Мне стало любопытно, кто же скрывается в окне второго этажа. Мне почему-то показалось, что я имею право узнать это.

Пробежав вперед вдоль стены и наткнувшись на тупик, я поняла, что с этой стороны в здание мне не забраться, но висевшая здесь на высоте около двух метров от земли пожарная лестница подала мне прекрасную мысль.

Подпрыгнув изо всех сил, я схватилась руками за последнюю перекладину лестницы и подтянулась вверх.

Сумка ударила меня по боку, но я не обратила на это внимания и, продолжая подтягиваться, перекинула через перекладину правый локоть, а затем и левый.

Теперь мне уже удалось добраться до второй перекладины. Я наступила на нее коленом и тут внизу услышала топот и крики:

– Вон она, братишка! Наверх полезла!

Я оглянулась и увидела двух парней в джинсовых куртках, бегущих от входа в этот безвыходный коридор.

Одним из этих парней был тот самый, которого я заметила на остановке на Фрунзенской площади разговаривающим по телефону.

Я выругалась про себя и по своему же адресу. Еще мне не хватало попасться в плен к неизвестному врагу, похоже, загнавшему меня в ловушку.

Долго выяснять, кто это может быть и зачем им это нужно, я не стала. Да и не смогла бы просто.

Ситуация становилась критической, и надо было поступать по правилам критических ситуаций: сначала делать, а потом уже обдумывать последствия.

Я полезла по лестнице вверх.

Где-то в этом доме сейчас скрывался интересующий меня шантажист, внизу метались два преследователя, и чем все это могло кончиться – одному богу было известно.

Окно второго этажа справа от лестницы, тоже забранное решеткой, было с разбитыми стеклами – наверное, местные мальчишки порезвились, и в результате промежутки между прутьями стал достаточно широк, чтобы я могла рискнуть и попробовать протиснуться внутрь здания.

Может быть, это желание было и не очень умным, но и ненамного умнее было бы оставаться на лестнице.

Не думая о возможном отрицательном результате моих дурацких действий – могла же Таня и застрять! – я начала протискиваться между двумя прутьями решетки.

Мешающую мне сумку с кассетами, телефоном и пистолетом я откинула назад и, едва не порвав пиджак о разбитое стекло – а может быть, и порвала, не до того было, – пролезла-таки и встала на широкий подоконник.

Помещение, в которое я попала, было безобразно пыльным.

Единственное, что радовало: меня никто здесь не ждал с автоматом наперевес.

Глава 6

Спрыгнув с подоконника на бетонный неровный пол, я на носочках, чтобы тише ступать, подбежала к дверному проему помещения, в которое так рискованно залезла, и там замерла, вслушиваясь в доносившиеся изнутри здания звуки.

В этом заброшенном долгострое стояла тишина, не нарушаемая ничем.

Можно было подумать, что шантажист уже успел скрыться, хотя для этого у него не должно было хватить времени.

А вот снаружи слышалось, как мои преследователи уже лезли по лестнице.

Надо было бы устроить поиски шантажиста – вряд ли он успел удрать далеко, – но меня подгоняли те два любознательных парня, что спешили на встречу со мной.

Если уж слабая беззащитная девушка сумела меньше чем за пять минут преодолеть расстояние от земли до подоконника, то не следовало думать, что для этого двум резвым парнишкам понадобится больше времени. Или намного больше.

Сориентировавшись по свету, падающему от уличных фонарей с противоположной стороны долгостроя, я побежала по пустому коридору налево. Где-то в том конце должен был быть выход или, по крайней мере, что-то похожее на него.

Добравшись до лестницы, я снова остановилась и прислушалась.

На следующем, третьем этаже я явно услышала быстрые шаги. Так как это не могли быть мои преследователи, то я, выхватив пистолет из сумки, помчалась по лестнице вверх.

Хотя, наверное, умнее было бы сбегать вниз, но думать в таком цейтноте было некогда.

Влетев на третий этаж и держа пистолет обеими руками в боевом положении, я прислушалась, решила и резко прыгнула в коридор налево, но, заметив какую-то тень в конце коридора, тут же отпрянула обратно к лестнице.

Выстрел, раздавшийся почти сразу же за моим маневром, показал мне, что я была права в своей осторожности.

Все было бы прекрасно, да вот только у шантажиста оказался пистолет, а снизу из коридора второго этажа я услышала топот бегущих людей.

Неизвестные мне ребята оказались проворными.

Мысленно пометавшись между желаниями поймать шантажиста и спасти свою шкуру, я выбрала второе и побежала по лестнице вверх.

Как я ни старалась наступать на ступеньки только носками кроссовок, да и двигаться легче, но мои преследователи взяли правильный курс и со всем своим азартом ломанулись именно за мной, а не за тем козлом, который только что пытался меня подстрелить.

Можно сказать, что у меня началась угрюмая невезуха, и ее нужно было или перетерпеть, или преодолеть.

Я добралась до самой верхней лестничной площадки и увидела приваренную к стене металлическую лестницу, ведущую на крышу.

Я быстренько поднялась по лестнице, откинула люк и выглянула из него наружу.

Широченная плоскость крыши с вентиляционными и лифтными надстройками вовсе не впечатляла как будущее поле деятельности, насыщенное перестрелкой и игрой в догонялки.

Оставив люк открытым, я вернулась назад и, остановившись около двух закрытых кабин лифта, решила посмотреть, а что же там.

Развести гладкие, покрытые пластиком двери оказалось работенкой непростой, но, вцепившись в края одной, я сумела оттянуть ее в сторону и быстро вставить ступню в образовавшуюся щель.

Сунув затем в щель и нос, я увидела за дверью кабину лифта!

Прислушавшись к настигающему меня сопению, все громче доносящемуся снизу, я начала протискиваться в щель уже вся, начиная с ног. Дверь подавалась с трудом, медленно, но все-таки отползала немного в сторону.

Через минуту, преодолев мощнейшее сопротивление, я проскользнула в кабину лифта, постаравшись, чтобы отпущенная дверь захлопнулась как можно тише.

Я оказалась в темноте и тесноте, и, в общем-то, это место могло стать моей добровольной могилой.

Выставив перед собой пистолет на уровне груди, я стала ждать.

Вариантов развития событий было немного: точнее, два. Или ребятки, преследующие меня, с разбегу бросаются на крышу и тщательно изучают ее поверхность в поисках исчезнувшей беглянки, или же они вдруг резко включают мозги и, затормозив перед кабинами лифта, захотят изучить их содержимое.

Вот тут-то мне и придется выяснить, кто из нас стреляет быстрее, если, конечно же, у этих мальчиков есть оружие.

Пока я этого не знала наверняка, я была склонна предполагать худшее и не лезть на рожон. В конце концов спокойно постоять в лифте несколько минут является обязательной частью моего ежедневного ритуала, совершаемого в моем доме.

Вскоре послышался шаркающий топот, и оба этих болвана вбежали на лестничную площадку и задержались около моего лифта.

– Блин, она на крышу сквозанула! – разумно твякнул кто-то из них, и я улыбнулась от счастья.

Я услышала, как один из преследователей, наверное, тот, кто произнес такую классную фразу, полез по лестнице, но другой его остановил.

– Не лезь, дубина, а если она там со «стволом» стоит? Получишь дырку в чайнике!

– Ты думаешь, она с оружием? – спросил второй – судя по всему, не отличающийся скоростью соображения.

– А кто же тогда стрелял, Карлсон, что ли? – резонно возразил первый.

Посоветовавшись, парни решили все-таки лезть на крышу.

– Короче, ты меня прикроешь, – сказал первый, после чего, как я поняла, поднявшись на самый верх лестницы, ведущей на крышу, выбрался туда.

За ним последовал и второй.

Я немного постояла в кабине, чтобы дать возможность мальчикам уйти подальше и посмотреть побольше, и осторожно, с прежними усилиями отодвинула дверь в сторону.

Продолжая прислушиваться, я, не опуская ствола пистолета, вышла на площадку, плавно пустила дверь на ее прежнее место и, на цыпочках подбежав к лестнице, стала спускаться вниз.

Пощупав сумку, я убедилась, что из нее ничего не потеряно, и продолжила спуск. Теперь предстояло найти выход из этой бетонно-кирпичной ловушки, в которую я сама себя заманила, и выбраться наконец на свежий воздух.

Мой неуловимый шантажист, надо думать, уже точно успел удрать.

Я почему-то считала, что двое парнишек, погонявших меня по этажам, никак с ним не связаны, потому что не видела смысла для шантажиста ловить меня и преследовать.

Он же получил деньги, я получила кассеты, и было непонятно, зачем устраивать такое продолжение законченному делу.

Тем более что я вообще оказалась случайно в роли посредника.

Спустившись на первый этаж, я обежала все здание по внутреннему периметру и, потыкавшись в несколько запертых на всякие замки комнат, очевидно, служивших кладовыми для местных работяг, нашла одно окно, выходящее на проезжую часть. Окно было тоже с решеткой, но такой редкой, что пролезть через ее прутья не составило бы мне труда.

Кстати, я обнаружила и вторую лестницу в противоположном крыле здания. Наверное, по ней и шел мой шантажист. Однако, сколько я ни искала, я так и не смогла найти место, через которое он выбрался наружу. Поэтому мне приходилось осваивать свои пути для этого.

Впрочем, как и все в этой жизни.

Только для начала мне следовало открыть окно. Кроме того, не хватало еще, вылезая из окна на виду всей улицы, попасть милиции в лапы. Ведь они точно бы меня загребли или как воровку, или как бомжиху, что было бы почти одинаково неприятно.

Володька Степанов вытащил бы меня, конечно, из КПЗ, но позора хватило бы надолго.

Промаявшись с оконными шпингалетами гораздо дольше, чем мне бы хотелось, хотя это и пошло, наверное, мне на пользу – уже совсем стемнело, – я распахнула окно и, сперва высунув наружу голову, как заправский воришка, осмотрелась и соскочила на асфальт.

Я была свободна.

Быстрым шагом пройдя вдоль фасада надоевшего мне долгостроя, я свернула налево и, выйдя на проезжую часть, остановила первую же встреченную машину и назвала свой домашний адрес.

Шоферюга – костистый замызганный папаша – окинул меня неодобрительным взглядом и осуждающе пробухтел:

– И где ж тебя так потаскали да помяли, девка? Э-эх!

Это «эх!» заставило меня злобно взглянуть на папашу.

Я уже собралась ответить резко, однако мой водитель больше ничего не сказал и вообще не проявил интереса к моей скромной персоне, целиком сосредоточившись на дороге или на своих мыслях.

Ехать к Кате я не пожелала: мой внешний вид требовал смены гардероба, да и встреча с Рафиком Азбашевым не входила сейчас в мои планы.

Я добралась до дома без происшествий, чему была, безусловно, рада: на сегодня мне их хватило с лихвой.

Быстренько разоблачившись в коридоре и пошвыряв свои перепачканные, мятые, одним словом, почти убитые тряпочки в разные стороны, я прошлепала в кухню, поставила чайник и схватила телефонную трубку.

Не вспомнив сразу номер телефона Кати – такие провалы в памяти со мною происходят редко, – я с неохотой вернулась в коридор и, вынув из сумки записную книжку, пролистала ее.

Усевшись на кухонный табурет, я набрала номер на трубке и прослушала длинные гудки, поразившие меня своей милой периодичностью.

Честно говоря, я немного устала, хотела принять душ и поразмыслить над ситуацией.

Я не была склонна подозревать Катю в случившихся неудобствах, но не приснились же мне два братка, гонявшиеся за мной по пыльным коридорам незнакомого долгостроя!

Проще всего было предположить, что они из агентства, выполняющего работу по охране этого страсть какого важного объекта, но их резвая прыть все-таки заставляла меня думать иначе. Охранники в таких местах ведут себя гораздо равнодушнее к нарушителям: украсть там нечего, следовательно, и так старательно бегать за мною особого смысла не имело.

Логичнее было бы предположить, что неизвестный шантажист приготовил этот сюрприз для меня, вернее, для Кати, потому что я фактически случайно появилась там, а должна была приехать Катя.

Следовательно, хотели захватить именно Катю. И мне нужно было предупредить ее об этой опасности при первой же возможности, которой сейчас у меня не было.

Я посмотрела на чайник. Он, словно не желая меня больше задерживать, закипел, и я заварила чай, после чего пошла в ванную.

Настойчивый телефонный звонок прервал мои водные процедуры.

Я промчалась до кухни, оставляя по пути мокрые следы, и, схватив трубку, с ненавистью проговорила в нее:

– Да!

– Алло! Алло! – прокричал мне в ухо дурацкий мужской голос, и я, отстранившись, с недоумением посмотрела на трубку.

– Ну, алло, а дальше-то что? – поинтересовалась я, совершенно уверенная в том, что кто-то ошибся номером и сейчас начнет терзать меня: «позовите Машу».

– Алло! – крикнул снова мужской голос и начал выяснять подробности: – Это квартира Ивановой? Да? Мне нужна Татьяна Александровна! Алло!

Покачивая головой в такт своим мыслям, я спокойно ответила, что Иванова – это я и весьма не прочь была бы узнать, кто это звонит и что ему от меня нужно.

– Иванова?! – опять закричал неизвестный мне мужчина и наконец-то соизволил пояснить: – Здесь телефон плохо работает, ничего не слышно! Алло!

– Иванова! – рявкнула я, с размаху бросила полотенце на табурет и села сверху, взяв со стола сигарету.

– Ну слава богу, дозвонился! – с радостным облегчением выкрикнул мне в ухо мужчина.

Я прикурила.

– Это из городского морга вам звонят! – уже с неприкрытой радостью прокричал мне мужчина, и я едва не выронила сигарету изо рта: почему-то сразу же подумала о Володьке Степанове.

Правда, эта мысль как пришла ко мне, так и ушла: у Володьки жена есть, и я узнаю о его смерти последней.

– Алло! Алло! – опять начал надрываться мужчина. – Вы куда пропали? Тут к нам поступило тело молодой женщины без документов, но у нее с собой нашли вашу визитку. Алло! Вы слышите?

– Прекратите орать! – скомандовала я. – У меня телефон нормальный, вот и говорите нормально. Кто поступил?

В этот момент придурочный голос, разговаривающий со мной, сменился другим, более сухим и официальным:

– Татьяна Александровна Иванова?

– Я!

– Это вас беспокоит старший лейтенант Обухов из Фрунзенского РОВД. Нами обнаружен труп женщины приблизительно двадцати двух – двадцати пяти лет. Шатенка, волосы длинные, одета в светло-зеленый шелковый костюм и темно-зеленые босоножки. При ней в сумочке была найдена ваша визитная карточка. Вы можете предположить по моему описанию, знаете вы эту девушку или нет?

– Предположить могу, но не скажу, – ответила я, тут же, разумеется, подумав о Кате.

Все мое раздражение сразу куда-то испарилось, и стало очень тоскливо.

Получалось, что какой-то неизвестный мне враг, стоило мне только появиться в орбите этих людей, сразу же начал принимать крайние и жестокие меры.

Теперь уже, после происшедшего с Катей, ни о какой случайности с охранниками не могло быть и речи.

– А почему вы не скажете? – поинтересовался строгий голос Обухова. – Здесь на вашей визитке написано, что вы частный детектив, а получается, что вы не хотите помогать следствию. Я вас правильно понял, Татьяна Александровна? Я же прошу только, чтобы вы назвали ее фамилию и адрес, чтобы сообщить родственникам. Впрочем, достаточно одной фамилии.

– Абсолютно неправильно говорите, товарищ старший лейтенант, – отрезала я и с удивлением увидела, что за это короткое время сумела выкурить всю сигарету.

Я бросила ее в пепельницу и объяснила в трубку:

– А вот представьте себе, товарищ старший лейтенант, если бы к вам кто-то позвонил домой и сказал, что найден труп человека, похожего на вашего хорошего знакомого, и описал бы вам его. Что бы вы ответили?

– Не знаю, – признался старший лейтенант.

– Вот и я не знаю, что говорить, – сказала я, – ждите, я выезжаю.

– Спасибо, Татьяна Александровна, – почти человеческим голосом произнес старший лейтенант, – я хотел вас сам просить об этом. За вами выслать машину?

– Спасибо, не нужно, – отказалась я, – я приеду на своей.

– Буду вас ждать здесь. Вы знаете, где находится городской морг?

– К сожалению, – ответила я и положила трубку.

Наскоро оделась и перед самым выходом вернулась и положила в сумку еще и пистолет. Помяв в руках замшевый мешочек с косточками, я подумала и решила, что хуже не будет, если я получу дополнительную консультацию.

Мне было интересно: а что же ждет меня?

Итак, вернувшись в кухню, я села на табурет и бросила гадальные косточки на стол.

Прогноз оказался двусмысленным:

23+25+4.

«Вы будете обескуражены и раздосадованы тем, что, в сущности, и не стоит Вашего внимания».

Я озадачилась настолько, что не сразу даже и сгребла косточки в мешочек.

Как это так: «не стоит Вашего внимания»?

А труп как же?!

Умудренно почесав затылок и тем существенно увеличив поступление крови к головному мозгу, я решила, что у Кати оказаться в морге ровно столько же шансов, сколько и у всех остальных людей, имеющих мои визитки.

Почему я подумала сразу про Катю Фролову?

Этой несчастной девушкой может оказаться и кто-то совсем другой.

Подумав так и успокоившись, я вышла из квартиры.

Спустившись на лифте и выйдя из подъезда, я осмотрелась и негромко выругалась, вспомнив, что я осталась без машины. Сейчас моя бедная «девяточка» стоит в горьком одиночестве рядом с РОВД, и мне ее не увидеть уже больше до утра как минимум. И все это из-за какой-то дурацкой погони!

Я, особо не размышляя, повернула налево и направилась к трассе.

Дорога была пустая, но долго мне стоять не пришлось. Из-за ближайшего поворота вывернула синяя «Ауди» и, едва я пошевелила рукой, сразу же остановилась рядом со мною.

– Садитесь, девушка, – весело крикнул шофер, и мне открылась задняя правая дверка.

Мне это показалось подозрительным: не хватало еще нарваться на глупейшее приключение с развлекающимися мальчиками.

Я отступила на полшага назад и, слегка нагнувшись, заглянула в салон машины.

В эту секунду распахнулась передняя дверка «Ауди», и из нее прямо на меня выпрыгнул какой-то парень.

Я шарахнулась в сторону, но тут меня жестко захватили сзади.

Кто-то подоспевший и не сидевший ранее в машине завернул мне назад руки и постарался наклонить меня вперед.

Ударив заднего нападающего ногой в правое колено, я стряхнула с себя этого мерзавца и тут же получила очень профессиональный удар кулаком в живот.

Теперь-то я согнулась уже по своей собственной воле – иначе и не могло быть.

Сразу же пришелся еще один удар по шее сверху вниз, и я на несколько секунд была полностью выведена из игры.

Невидимый мне противник, ставший хромым на одну ногу, матерясь, подковылял и снова пристроился сзади.

Парень, хорошо пробивающий пресс девушкам, загнул мне руку назад и вверх, и они вдвоем с хромым забросили меня в гостеприимно открытую заднюю дверь «Ауди».

Дверца захлопнулась, и машина рванула вперед.

Глава 7

Я прижалась к дверке машины, свернулась клубочком и начала выравнивать дыхание, готовясь к грядущим подвигам.

Если верно, что против лома нет приема, тогда остается только хитрость.

– Добрый вечер, Татьяна Александровна, – послышался слева от меня мягкий мужской голос.

Голос я не узнала, особой угрозы в нем не услышала и осторожно покосилась на говорившего.

Увидев мужчину лет сорока в легком сером костюме, я разогнулась и осмотрелась.

На передних сиденьях «Ауди» сидели двое: шофер и тот прыгучий паршивец, очевидно, по совместительству трудящийся телохранителем.

На заднем сиденье были только мы вдвоем с боссом.

Вальяжный господин окинул меня сверху донизу полупрезрительным взглядом, прикурив длинную сигарету от золотой зажигалки и улыбнулся мне почти дружелюбно.

– Ничего доброго в этом вечере я не вижу, – проворчала я, – вы кто?

– Азбашев Рафаэль Константинович, – услышала я в ответ и едва не присвистнула: какие люди раскатывают по городу в поисках меня, грешной!

Если это и не любовь, то как минимум очень важное дело.

С ума сойти! Сам Азбашев подсуетился организовать встречу, приехал к самому моему дому, а я сижу скукожившись и вроде как и не рада!

Я оценила все величие азбашевского подвига, однако не стала сразу бросаться на шею этому крутому дяденьке.

Покачав головой, я спросила:

– У вас так принято знакомиться с девушками или только ради меня вы устроили этот спектакль?

Азбашев уже открыл рот, чтобы ответить, но тут телохранитель, сидевший впереди, показал ему мой пистолет, извлеченный из сумки.

Азбашев поступил как школьник, увидевший шпаргалку:

– Вы были вооружены, Татьяна Александровна, а у меня есть желание с вами пообщаться без сложностей. За все неудобства вам будет заплачено, а сейчас примите мои искренние извинения. Я, честно говоря, и не думал, что ребятам придется поступить с вами настолько жестко.

– Похоже, что вы вообще ни о чем не думали, – громко проговорила я, с удовольствием замечая, как изменяется холеная физиономия Рафаэля Константиновича, – или в этом тоже ребята виноваты?

Он посопел, очевидно, обдумывая лучший вариант ответа, и решил, что самым умным будет проигнорировать реплики недовольной дамы.

– Вы куда-то собрались ехать, Татьяна Александровна? – вместо ответа спросил он и тут же блеснул наблюдательностью: – Вы же вышли на дорогу явно ловить мотор.

– А давайте перейдем ближе к делу, – предложила я и села свободнее, – и прикажите своему денщику отдать мне сумку. С пистолетом он пусть пока поиграется, если ему так хочется.

Азбашев нахмурился еще больше, бросил взгляд на телохранителя и еле заметно кивнул. Тот, просмотрев еще раз содержимое моей сумки, передал ее мне.

Я тут же вынула косметичку и принялась неторопливо приводить себя в порядок. Пусть ждет, засранец, если не умеет уговаривать.

«Ауди» продолжала катиться по трассе в сторону объездной дороги, скоро предстояла развилка, ведущая или к центру города, или за него, ближе к нашей психиатрической лечебнице. Это был совсем не тот маршрут, куда мне нужно было попасть.

– Итак, Татьяна Александровна, – напористо начал Азбашев, видимо, правильно решив, что не стоит ждать, когда мое плохое настроение вдруг возьмет и само исправится, – я встретился с вами, чтобы серьезно поговорить.

– Я заметила уже, что все это серьезно.

Азбашев, не обращая внимания на мои слова, продолжил:

– Как мне рассказала Катя, вы оказали ей помощь, которая уже стоит того, чтобы с вами обращались уважительно и с благодарностью.

Я закурила и сделала вид, что думаю о чем-то своем, сама же, разумеется, быстро прикинув, решила, что Азбашев врет. Если Катя хотела что-то ему рассказать, она бы давно это уже сделала и не было бы смысла отягощать мою жизнь встречей с шантажистом.

Я оказалась права, Азбашев говорил о другом событии, в чем я тут же и убедилась.

– По ее словам, – солидно продолжил Азбашев, – те трое козлов, что напали на нее на улице, ждали именно ее, они подкарауливали...

– Ну прямо как вы сейчас, – не удержалась я и продемонстрировала свой скверный характер.

– Татьяна Александровна, – с терпеливым достоинством произнес Азбашев, – я перед вами извинился, и на этом вопрос закрыт. Вы после того, как выполните мою работу, просто добавьте в счет строку за моральный ущерб. Сумма, проставленная вами, может быть сколь угодно большой – в пределах разумного, конечно же. Сейчас у нас с вами идет серьезный разговор, а вы продолжаете изображать из себя истеричную дамочку. Мое мнение о вас ухудшается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.